

POSSEdeembo RPUCTOBA.

ИЗДАНІЕ МАВИНІЯ ОСМПОВИЧА ВОЛЬФА.

новый годъ,

масияница и рождество христово.

новый годь,

МАСЛЯНИЦА

13

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДВТЕЙ.

Л. Ярцовой.

CAHKTHETEPBYPPL.

издания инигонродавца и типографа м. о. вольфа.

ва Гостиннома Дворт Л? 18 и 19.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанія, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узавоненное число эквемплировъ. С. Петербургъ, 6-го мая 1860 года. Ценсоръ В. "Губровскій.

въ типографии м. О. вольфа.

новый годъ.

нъкоторыя разсужденія.

Что такое старый и новый годъ? Не одно як и тоже время продолжается безконечно, какъ неизифримый кругъ, которому ифтъ ни конца, ни начада. — Отчего произошло названіе полаго года? Зачъмъ празднують начало его, именно въ этотъ день,
а не въ другой? — Отчего, наканунт перваго якваря съ каквиъ-то трепожнымъ ожиданіемъ смотрять на часы и следують за движеніемъ стралки,
приближающейся къ полуночи? — Что это за странное, пецопятное обыкновеніе? — Много задали мы
себт вопросовъ, попробуємъ отвечать на нихъ.

Пасть времени, составлениям изъ 12 мъсяцевъ, пазвана годомъ, потому-что астрономы замътили, Яглоза. что земля наша, обращансь около солица, въ теченія этяхъ дивнадцати мъсиценъ, приходить опять на
то же мъсто, съ котораго начала свое белирерывное круговращеніс съ той минуты, когда изрекъ
Господь Богь: «Да соберется вода, яже подъ небе«семъ, въ собраніе едино и да пвится сума, и на«рече Богь суму землею.» (Кинга бытія гл. 1,
ст. 9. 10.) Тогда образовалась планета, названная землею, потекла въ предназначенный ей путь,
всемогущимъ манованіемъ, обращаясь на своей оси,
и тънъ раздълила времена и годы. Такъ произомам:
весна, лъто, осень и зяма, а всъ они вмъстъ составили годъ!

Впосилдетній люди стали отличать старый и новый годь, а петомъ и праздновать полночь: окончаніе стараго и начало новаго года.

Хота можно сказать, что каждое семейство и каждый человъкъ исполняеть этотъ праздникъ по своему; но свойственныя всъмъ тревожный ожиданія
полночнаго часа, въ этотъ день, происходять именно
отъ тего, что мы, жители земли, подобны людямъ
странствующимъ по непавъсткой странъ; они ходять,
а мы живемъ въ совершенномъ незнанія, что будеть съ нами впередъ. Какъ они, не имък провожатаго, не знають, что няь ожидаеть пдали: пойдеть ли дорога лучше, или куже прежней?, встрътять пи ихъ каменные утесы, темные лъса, безплод-

ныя степи, или тъпистыя равнины, осъненные плодовитыми деревьями и украшенныя цвътами?, — точно такъ и мы, странники жизни на землъ, не знаемъ что насъ ожидаеть пъ будущемъ: радесть или горе?, богатство или бъдность?, счастіе или несчастіе? И вотъ именно отъчего происходитъ этотъ невольный трепетъ, при началь новаго года. Какъ и всегда, ожиданіе ненавъстнаго силько тревожитъ наше воображеніе, и это-то и есть первое доказательство непрочности жизня нашей, которая даже и по словамъ однаго изъ Апостоловъ: «Не на долго является, какъ наръ, и потомъ исчезаеть!» (Соб. носл. Ізкова, гл. 4, ст. 14).

Но если подумать хорошенько, то наждый день можно называть новымъ годомъ; напримъръ, если кто родился въ такое—то число, то на будущій годъ, въ это же самое число наступить для него новый годъ, въ какой бы день и мъсяць ото ви случилось; слъдовательно это было условное и такое счисленіе пораго года, положинъ хоть съ перпаго январи, до того же числа будущаго года, приходилось бы всегда, взъ дня въ день, очень върно, если бы года состояли ронно изъ 365 дней, но какъ причисляется къ нимъ сще 5 часовъ, 48 минутъ и 47 секундъ, то и выходитъ, что черезъ тря года, составляется изъ нихъ цълый день, и этотъ лиший день согласились астрономы причислять къ четвер-

тому году, почему онь и считается уже въ 366 дней и папывается високоснымо*).

Пародное повірье, не понимая, оть чего происходять високосные года, принисываеть имъ разныв несчастія: пеурожай хакба, болкзин, войну и тому подобное; разумістся, это микніе невіжества, и потому, конечно, благовоспитаннымъ людимъ не должно стращиться високоснаго года, совершенно такого же, какъ и предшествующія ему простыя три літа, в напротивъ смітаться надъ такимъ предризсудкомъ, отвергав его, какъ пустов и глупов суевіріе.

У насъ въ Россів, до Петра Великаго, попый годъ считался съ перваго сентибря, какъ и теперь считается онъ, пъ нашихъ перковныхъ книгахъ. Это было паято съ Библін; въ Княгахъ Монссевыхъ было сказано Богомъ народу нараплыскому, чтобы праздповали ноное лъто съ сентибри, какъ седьмаго мъсяда, послѣ нарта, въ которомъ былъ сотворенъ

міръ. Это праздаованіе относилось въ тому же в было спачала въ томъ же смыслѣ, какъ и повелѣніе Божіе, о седьмомъ диѣ въ педѣлѣ, теперешпевъ нашемъ воскресеньи: «Шесть даей дѣлай, в сельмой Господу Богу твоему!»

Между тъмъ лътосчисление, установленное Юліемъ Кесаремъ или Цезаремъ, римскимъ императоромъ, за 45 лътъ до Р. Х., было принято западими христіанами. Царь нашъ Петръ Великій, желая какъ можно болью соединить пасъ съ Европою, отдалъ попельніе ивести и у насъ льтосчисленіе съ 1-го января или генвара.

Въ теченія времени, астрономы замітили, что отъ дишняго дня, причисляющагося во неякому високосному году, равноденствін перешля на другія числя, и потому літосчислоніе Юлія Кесаря отдалилось на 10 дней "). Вся Европа, принявъ пъ

^{*)} Это польшей пропломно отв латинскиго слова bissexte, т. е. два раза местой; для того, что Римлине пролагали тоть лиший день, нежлу последноми числами февраля и первыми марта, которов запивалось у пихъ местою календою марсовой, в потому выходять, что въ висскосный годъ была не одна, а две местых календа.

Этогь лиший день верывають еще минериалируев. т. в. вијурь можевама, или помещенный между двугь цией.

[&]quot;) Такъ въ 1582 году, посениес равноденствіе было 11-го марта, между тёть какъ во время Инвейскаго собора оно было 21-го марта. — Пана Григорій XIII рѣшился, по сов'яту ученихъ, возвратить песециег равноденствів вы 21-е марта и для того новеліль всікъ, которые признавали его власть, эдругь убавить изъ календаря десять двой, и иністо пятаго октабря 1582 года считать 15 октября; такъ что несециев равноденствіа 1583 года уже было опять 21 марта. — Это счисленіе пазывается григоріанскими синсленієми или новыми стилель. Иний пристівнь по всіль спронейскихъ государствахъ, кромі Россіи и христівнь греческаго исполіданія, которые употреблють лютосчис-

упаженіе почисленіе астрономовъ, перевела числа своихъ календарей черезъ эти 10 сутокъ, им же остались по прежнему, и отъ того внослѣдствій разница вышла уже въ 12 дняхъ; такимъ образомъ, когда у насъ 1-е января, то у нихъ уже 12, а кагда у насъ 12, то у нихъ 24, тто и называють старымъ и новымъ стилемъ, и такъ идетъ круглый годъ.

Итакъ, самое первое счисление было съ 1-го марта; второе съ 1-го севтибря; третье же съ 1-го января. Слъдовательно вотъ уже сколько было разпыхъ пачалъ повяго года!

Посмотрянъ теперь, что происходить въ Европт и у насъ въ Россіи, въ ожиданія полуночи, сколько приготовленій, сколько нозбуждается новыхъ желаній и надеждъ передъ этимъ днемъ! — Праздвуютъ его вст. но какъ различно праздвуютъ!..

Заглянемъ въ разные дома и подумаемъ корошенько, а после решямъ кто лучше всехъ, кто дельяте и полезите встречаетъ первый часъ начинающатося новаго года?

ПЕРВАЯ ВСТРЪЧА новаго года.

EAJE.

Пойденте, юные друзья мон, по какой пибудь улищі: общирной столицы нашей; зайденть невидниками,
то есть одинить воображеніенть, въ развые дона:
каменные, деревинные, большіе и наленькіе, бъдщые и богатые. Вотъ нередъ нами огромный донть,
съ цельными большими стеклани въ окнатъ, съ
великолічнымъ подъйздонть; по всему видко, что
жители его должны быть, или важные, или очень
богатые люди, а можетъ быть то и другов. Сегодин послідній день стараго года, и уже пробило
десять часовъ; войденте въ этотъ неликолічный донть,
втрио тамъ очень весело!

Вотъ нарадный швейцаръ отворилъ намъ стеклянную дверь; передъ глазами нашими нарадная лъст-

меніо Іуліанское, чли старый стиль, и оть того у вась теперь ракволенсктіе бываеть 9 нарта. Прежде разница быво въдескти дникь, котопъ въ однинаддата, в теперь съ 1800 голь, вовый стиль впереди "старато 12 дними. (Астрономія Зеленого \" лекція, 84 стр.)

ница, устланизя копромъ и украшенизи троинческими растеними, съ пріятной для глазь зеленью, особливо 31 декабря, когда у насъ на съверъ трещить морозъ и сибгь покрываеть все холодной своей пеленою. - Но здась, какое восхитительное тепло! какое благоуханіе разпосится въ воздухії паъ куральницъ, поставленныхъ на пъедесталѣ каждаго бюста, укращающаго лъстинцу, похоже на то какъ бы во времена пдолопокленства происходило воскурение овміама передъ истуканами: Марса, Юпитера, Венеры и проч., но только здёсь бюсты представляють не миниыхъ боговъ древности, ибмыхъ и глухихъ, а мудрецовъ древняго и новаго міра, напрымъръ: Сократа, Платона, Эпикура, Сенеку, а радомъ съ ними изкоторыхъ болзе современныхъ, преимущественно французскихъ ученыхъ писателей. Впрочемь по петинт, такія приявія приличите бы было имать въ кабинеть, а не въ съняхъ или вестибюль.

Побъяните скорте на верхъ, друзья мон, по разостлянному копру, магкому какъ бархатъ; широкія, визонькій ступени этой зъстинцы, дължоть всходъ ея очень удобнымъ. Мы достигли передней аванзалы; эдъсь встръчаеть насъ ожидающая приказаній иногочисленная прислуга въ красивыхъ ливрейныхъ оракахъ, въ бълыхъ галстукахъ и бълыхъ перчаткахъ. По зачень же памъ медлеть здесь? Намъ и того не нужно, чтобъ объ насъ докладывали, кто ны такіе. — Итакъ победимъ наму застепчивость, войдемъ въ незнакомое общество.

Воть огромная зала, освіщенняя множествомъ свічь въ люстрахъ в канделябрахъ, украшенная, по угламъ, деревании и цвітами, наполненная пріятнымъ теплымъ воздухомъ, дышушимъ ароматами. Множество зеркалъ, отражая люстры и канделябры. умножають світь этой обширной компаты, которой паркетный поль такъ гладокъ, что кажется можно ошибиться и подумать, что ходишь по зеркаламъ, не только на стіпахъ развішеннымъ, но в положеннымъ водъ погами.

Проскользпемъ будто по льду, друзья мон, пъ другую комизту. Вогь туть уже великольніе! Какія
мебели, какіе диваны, какіе столы и мраморныя
комнаты! Здісь уже піть паркста, но за то, ноги
топуть въ мягкомъ, пушистомъ копрі, разостланпомъ оть стіны до стіны, п кажется, будто подъ ноги
изми брошены вінки, букеты изъ самой приплекательой зелени и нышныхъ цвітопъ, даже плодонъ псякаго
ола, разоросвиныхъ по містамъ, такъ что боншься
наступить на цілую кисть спілаго винограда, на
нерешкъ п на колючій зизнасъ: такъ пскусено и жаво все это выткано, на разостланномъ прекрасномъ
коврт!

Войденте же съ должной учтивостію, чинно и важно, съ привітливой улыбкой, какъ слідуеть благовоспитаннымъ людимъ.—Здісь мы не один!— Эта великолічная горинца есть гостиная, и множество нарядныхъ дамъ и каналеровъ съ орденами и безъ орденовъ сидятъ на бархатныхъ креслахъ п динанахъ.

Какой шумъ, говоръ; какія любезпости сыплются со всъхъ сторонъ! Очировательно и прекрасно!

По о чемъ разговариваютъ ист эти люди, собранные вивств? Ит чему клонится общая предупредительность? Какая польза выйдетъ изъ такой встръчи новаго года? Посмотримъ, послушаемъ и ръшимъ безиристрастно! Шумпое разставанье съ старымъ годомъ, кажется, обозначаетъ, что вст эти люди пропели прошеджее лъто въ соътской жизни, въ праздинияхъ и удовольствияхъ.

Пеумолквеный голорь разносился поисюду, сдерживаемый, такъ называемымъ, свётскимъ приличіенъ. О чемъ толкують эти люди? Для чего спѣжить каждый подать свой голосъ, объясиить свое мизые, выказать свой умъ? Можетъ быть они говорять о чемъ пибудь дѣльномъ и важномъ? Пѣтъ! пичего подобнаго мы не слышимъ; здѣсь идутъ рѣчв препмущественно какъ въ большей части многолюдныхъ обществъ; здѣсь не можетъ быть исвренпости, а гдѣ иѣтъ пскрепности, тамъ дѣльнаго разговора быть не можеть: таковь свёть! Туть нечего занять, нечему научаться, перединають все изъ пустаго въ порожнее, какъ говорить пословица. Женщины ведуть неистощимый разговорь о шлянкахъ, ченчикахъ и вообще о последнихъ подахъ; пужчины о картахъ, лошадихъ, собакахъ или о своемъ повышений; а что еще исего хуже, между всёмъ этинъ не редко проскакиваетъ и злословіе, полкія насмъщки и осужденів. Но говоръ перемежился, все утихло, всё какъ будто ожидають чего-то?

Взгляните, друзья мон, на малахитовый столь, передъ зеркаломъ; на немъ стоятъ большіе, броизовые часы; примътьте, что раззолоченная стрълка повазываеть 11 часовъ съ половиною; видите какъ близка уже полночь, -- окончание стараго и начало поваго года! - Воть оттого-то все собрание минутво и замольло. Всв съ какимъ-то трепожимиъ чувствомъ страха и цетеривнія ожидають полуночи; на всехь дипахъ написаны радость и сомичие, надежда и страхъ! Всв эти быстро промедьянувшія въ мысляхъ ожидания и тревоги, произвели тишину въ гостиной. Между тънъ стръдка безостановочно приближалась къ полуночи, и вдругъ... чикъ!-Всъ невольно водрогнули! Звонкій колокольчикъ, серебристымъ тономъ, прозвучаль 12-ть! - При нослъднемъ ударъ, раздален огромный оркестръ музыки, тишина исчезла, поднялся шумъ, говоръ пуще прежвяго, посыпались поздравленія, при поздравленіять комплименты, при комплиментахъ (любезностихъ, по русски) желанів счастія... хоти, признаться, вныс по желали его никому—промѣ самихъ себя!

Двери растворились настежь, вошли два высокіє лакся, съ прецеликимъ серебрянымъ подносомъ, уставленивать разволоченными боказами, съ вскрометнымъ, біло-півницимем шампанскимъ.

Каждый изы присутствующих взяль бокаль; одинъ чокнудся имы съ сидъвшимы подлё иего незнакомнемъ; другой отыскиваль, среди гостей, любезнаго,
или пужнаго ему человъка, и тогда уже выниваль
бокаль свой, со исевозножнымы усердіемы осущаль
его до последней канли, при желаніи здоровья доанкну и хозайке и проч. Многіе выпивали до полонины, другіе же, едва отведавь, станили на поднось.
Однако лакей, почти съ пустою батаресю дливныхъ
хрустальныхъ бокаловы удалились изы гостиной. Громкій ноздравленій и желаній вслухъ, вслиаго рода
благонолучій, такимы шумомы наполиній всё комнаты, что почти заглушили музыку.

Вси толия, веселая и счастливая по видимому, двинулась из залу. Тамъ, едва касалсь скользкаго изркета, летали уже легкій пары, носясь из вихрі быстраго вальса; одви танцы смінялись другими; кадрили, польки, мазурки, утомляя музыкантовь, не давали отдыха тапцующимь: исе кружилось, при-

прыгивало, притопывало, пришаркивало; веселье, яззалось, въ самомъ разгарт! Но точно ли песелились эти люди? — сомитваюсь! Отчего же? кажетса, балъ такой великолтикий! — Оттого, друзъв
мон, что тутъ плясали многіе, которымъ такцы уже
надобли, и делалось это наъ одного приличіл въ
свёть. Хозавиъ богатъ, хозвинъ играетъ нажиую
роль; онъ нозваль, и въ нему нельзя было ве
тхать! а прітхавин нельзя не танцовать! Вотъ побудительным причины этого инимаго веселья; а песелиться поненолів—право не веселе!

Между тамъ, какъ ин быстро сманились тапцы, во время летело еще быстрее, и воть уже иножество наръ становатся въ последнюю мазурку, и та, какъ долго ни тапулась, однако какъ все на земль имъетъ конецъ, то и она прекратилась. Пкинажи загрежили, пачался разъйздъ, и скоро великолћиная зала опуствла; осталась въ ней одно удушляная, наполненняя азотомъ, атмосфера; прежніе ароматы печезли; спічи догорали, канделябры начали контить выполочениме каркилы; кончика ленть, доскутив дорогихь кружевь, поддальные цваты валились въ безпорядит съ золотыми буланочками; вотъ налованиям сережна съ наумрудомъ, вотъ изоспутый браслеть, изъ котораго новыскакали брилманты, витеть съ висцемъ того, бого они напо-MARSIN.

Посмотримъ возвращение всъть этихъ мнимовеселившихся по домамъ; очень немноге и пемногія пар самыхр молоденрияль сказали своюмь 10машилиъ, что илъ было ресело на балъ; другія же возвратились въ дуркомъ духв, сердится на горинчисть, что ланкоо свимають съ нихь дорогія украшенія; имъ бы хотелось теперь все сорвать съ себя, не жалья им кружевъ, на бриллантовъ, и отъ нетеривнія опъ ворчать сквозь зубы; «какъ песносно и скучно на этихъ, большихъ балахъ, гдъ хозяева хотять только хвастать своей роскомью и чваниться нередъ всъми! в измъ-то какак отъ того польза? одна утомительный усталость, совершенно безъ удовольствія. » Такъ разсуждають дамы; а кавалеры, въ еною очередь, осыпають пасмышками миогихь изъ тахь дамь, которымь они болье другихъ говорили дюбезиостей в между темь, также вомученные, браинтъ слугъ, совстяв не винопатыхъ, бросаются на кровать, желяя выспаться хорошенько... по сонь, происхождение душевнаго спокойствия, - бъжить отъ такь и оть другихъ; трепожный мысли, взиолисванная кровь отъ полишнаго дояжения, тигостиля устадость, все это не даетъ имъ покою, котораго они такъ свльно желають; и благотворный, мприый сонь, совскиъ уже для нихъ не созданъ!

Изъ чего же бились эти облиме люди? Благора-

Что-то онъ принессть имъ? А по начаду нельза ожидать начего хорошаго!—. Тучше бы пронести это врема спокойно и мирно, каждому въ своей семьъ и обратиться съ молитвою къ Тому, въ чьей десницъ времена и лъта!

Постшеніе великольннаго бала было для насъ не очень удачно. Грустно впліть, когда люди, братьи наши, не попимають собственной своей пользы!—
Поситивмъ далте.

ВТОРАЯ ВСТРВЧА повыто годы.

ни въ свои сани не садись.

Мы вошли въ небольшой деревянный дошикъ, съ иллисадниковъ. Эта сакая стариниая принадлежность небогатыхъ домовъ, какъ то унклада въ столица, конечно потоку, что это незатъйное жилище было на възлат города.

Войдемъ туда, прузьи мов! какан противоположность! Передъ глазани нашими, эдфсь не только ифтъ ковровъ на лфстаниф, но, кажется, она в на метеца афсколько недфль: столько на ней сору и всякой нечистоть! Мы сошли въ полутенный коррадаръ, едва освъщенный тусклымъ починкомъ. Темно в тиго, какъ будто ифтъ въ домф цикого. На концъ корридора стекляниая дверъ, съвозъ се свътится огонекъ, тутъ кажется есть ято вибудь живой? войдемъ туда и погладимъ.

Небольшая узкая горинца съ одиниъ окновъ; въ одномъ углу кровать, покрытая однако шелковымъ одбаломъ и съ чехлами на полущкахъ наъ тонкой кисеи, на розовой подкладкъ, общитыхъ кружевами. Но за то только и есть порадочнаго изъ прочихъ вещей въ этой горинцъ, потому—что у другой етклим простой крашенций столъ, на немъ мъдний подсаваннить съ догорающей сальной сифчкой; на единствичных съ догорающей сальной сифчкой; на единствичных, тутъ стуль, также незатъйномъ, сидитъ дъвушка, облокотясь на столь объими руками, такъ что лица ев не видио, по суди по стройному стину и густымъ, темпымъ локонамъ, падающимъ на открытыя плечи, и по рукамъ облымъ и ифжиноъ, она должна быть еще очень молода.

По увы!—не весело она встрачаеть новый годь! Сквозь нальщы пробираются слезы в падають крупвыми канлями; тажелые вздоли вырываются взъ
груди; консчио, жестовал грусть, иля бідность ее
удручають? Однако посл'ядною нельза предположить,
вотому-что она хота въ нопошенной, но бархатной
мантильн, общитой черными побур'явшими круженамо; платье на ней, взъ шеляовой, очень дорогой
матерін; въ завитыхъ локонами волосахъ прод'ять
пунцовый бархатъ, съ длинными концами пазади,
по посл'ядней мод'є, въ ушахъ серьги съ блестаща-

Ярцова.

ми камиями; если это не цастоящіе бризліанты, то страны, очень похожію ва нихъ; сквозь шпровій рукавъ, общитый кружевами, видънъ золотой браслеть; можки ев, протвоутыя на скамеечев подъ столомъ, обуты пъ бархатныя туфельки, вышитыя блестками и мелками; словомъ, во всемъ водны угонченимя затки!-Странно все это! Обстановка бъдности и раскошь парада на этой дівушків, поражая взоры наши, непольно застаплаеть задуматься... Что же все это ацачить? - По одежда, она далеко не въ врайности; на догорающая сальная свъча и слезы ея. ноказывають, что многаго не достаеть ей... въ вещахъ, или въ чувствахъ? - не знасмъ! На стъпъ противъ пел, деренянныя часы, съ времчими гирями; желізнал, уже порядочно заржавленная стрілка показываеть одинизднать часовь, -- окончание стараго и близкое наступление попаго года!

Дъзушка подивла голову, утерла слезы топкимъ батистовымъ платкомъ и устремила задумчивый взоръ на часы. Точно, оно молода и исдурна собою, только что то педопольное, сердитое чрезвычайно портить привизыция черты лица, и изглядъ ен большихъ голубыхъ глазъ дъзаетъ непріятимя»; ясно видно, что она плачетъ не столько отъ горя настоящаго, сколько отъ досады на кого-то пли на что-то. Кажется, настоящая ен жизнь ей не правятся воть отворилась тихо боковая дверь, вошла на-

зепькая старушка; лийо св очень сморщено латами, но обнаруживаеть неподдальный, природный умь; в небольное стрые глаза съ такимъ быстрымъ ваглядомъ, что казалось проинкають въ душу.

Старушка тихими шагами подошла къ столу, посмотръла на молодую дъвушку и, некачавъ голодою, сказала: «Эге! ты опить плачешь, Розалія!»

- Нлачу и буду плакать, Татьена Спирадоновна! Какъ вамъ угодно, а ужъ меня никто не утамитъ!... Посмотрите-ка, что показывають часы?
 - Половина добиализтаго; пу такъ чтожъ?
- Какъ чтожъ, Татьяна Спиридоновна? Въдь своро наступитъ новый голъ!
 - Пусть онъ поступитъ, что же намъ до этого?
- Удивительное діло! есть же таків равнодушные люди на світі!... Воть и прдно, что вы кром'я итого неспоснаго дома и этой темпой канурки съ свлынымъ огаркомъ, инчего не видоли лучше!
- II слава Богу, что не видала! Оттого я не рвусь какъ ты, а спокойно провожаю старый и нетръчу, если Господь благословить — съ радостію, новый годъ... а ты плачень!
- И буду планать! Въ такой исспосной, скучной жизии и дълать больше исчего...
- Какъ дарожъ терять глаза ослевнуть? Пе правда ли, что это ужно! А въ тому же, развъ сказано тебъ, что слезано ты эту жизцъ перемъ-

пвшь? Изть, Розаліп, право все будеть тоже, пли еще муже! Сорзтую тебь, какь человзяв опытный, прожившій много літь, со смиремість повориться своей участи, приняться хорошенько за настоящее дізло: тогдя и скучная жизнь пойдеть скорзе, и здоровья своего не разстройнь — в намъ, бізднымъ людямъ, право оно очень дорого...

- Намъ, бъднымъ людямъ! О, Боже мой! и и попала въ это число... и а сдълалась прислужницей несносной, скупой барыни!...
- Напрасно ты такъ ес пазываемъ: она право горазло лучие, нежели ты думаемъ...
- Что я думаю, то думаю! не ванъ разсуждать объ этомъ, вы и во сиб не видали того, какъ жила я прежде.
- И видѣть не хочу: если прежиля твол жизнь застандяеть тебя такъ горько иланать, то она не была для тебя полезна, а что не полезно, то непремжино вредно!
- Ахъ, какія вы! Послушайте, в вамъ разскажу хотя немного изъ мосто прежинго счастія; тогда вы и сами скажете, что пельзя мий не плакать; остапьтесь пожалуйста со мною; сядьте воть хоть на мою провать; въ мосй прекрасной горинді: ийть и стула лишняго! Пожалуйста. Татьяна Спиридоновна!... Въ эту почь в не могу спать! Надобно дождаться новаго года... хоть онь мий и не сулить вичего добра-

го: по все-таки, по старой привычкъ, посижу до полуночи.

- Паволь, в готова слушать твои разсказы; вто лучие, нежели считать тоои тижкіе издохи: на бъду кропать то моя за перегородкой, да еще и у самой двери, оттого слышно, какъ ты риешься туть по пустому...
- Пусть такъ! одвако, экоте ли то, что я живу теперь почти за заставой, гдт кромт мужиковъ съ обозами, начего не увидищь; а прежде и жила у знатной графици, на самой лучшей улица из города?
- Знаю, вет это знають: ты прожужжала этимъ ветиъ уши.
- Но вы не знасте. Татьяна Спиридоновна, что будеть дальс. Выслушайте меня теперь и върьте, что я буду говорить сущую правду, а не какую небуль волшебную сказку. Я была дочь гланной ключницы въ московскомъ домъ графиии, моей благольство, увидъть меня однажды подлъ моей натери, приласкала, назнала милой и корошенькой дівочкой, слышите, херошенькой, и съ тъхъ поръ приказала приводить меня каждое утро въ свою уборную, гдъ она изволила исегда очень лолго одъваться. Мит было тогда лътъ восемь, и моя должность состояла въ томъ, чтобы подавать буловки. Я это исполняла очень усердно, за что еще больше

ей поправилясь; она приказала одъзать меня какъ можно лучше, и вотъ нашили миз и розовыхъ, и голубыхъ, и всякихъ дорогихъ платьевъ, не только кисейныхъ, даже и бареженыхъ! 11 съ тыхъ поръ я уже не только из уборной, но и въ гостинной, всегла была подлѣ са сіятельства; она меня назырала своей фавориткой. Можеть быть, вы этого слова не поилжаете, Татьяна Спяридоновна; видите, опо но французски, и апачить по нашему... какъ бы камъ сказать? Пу!... споей любимицей! Все по миз казалось хорошо доброй графияћ; только ими мое немпожко подпортило! Видите, родители мон, при крещенін, назвали меня Мапрой; графици очень сердилась за это и говорила, что таков ими непрілтно для слуха, и однажды, когла н пришла къ ней поутру, чису въ дибиядцатомъ (графини всегда очень поздно вставала, за то и весь домъ спяль безъ просыну!). Вотъ какал была счастанвая жизиь!... И какъ тенерь помию, графиия, въ это утро, сидъла передъ зеркаломъ, съ накинутымъ на плечи пеньювромъ паъ тончайшей кисен, на розовомъ атласъ, общитомъ кружевами; ей причесывали волосы, а оно читала какую то французскую кнежку. Увидћаъ нецл, она вдругъ сказала: вотъ какое прекрасное имя пашла я тебь, Мавруша, въ этомъ романъ! смотри же помии, что съ этой минуты ты будешь называться ве Маврой, а Розаліск, и д приказываю, прибавила графина, посмо-

трівь на прочихь прислужиння, чтобы пикто въ домі не сміль назвать ее прежинить пиенемъ!

Вотъ съ тъхъ поръ, и изъ Манры сдълалась Розалісії; не правда ли, что это сараздо лучие?... Но чему же вы смъстесь. Татьяна Спиридоновна?

— Тому, что ты разсказываемы это съ такимъ удовольствіемъ. Можно да радоваться, душа мов, что имя, данное тебъ ири спитомъ врещении, ими праведной угодинцы Божісії, которой молитиамь и заступленію поручили тебя трои родители при кунели, вдругъ, ин съ того, ни съ другаго, перемћинли... да еще какъ! выбрали изъ какой то французской винги... прости меня, а это очень положе, какъ наша барыня старуший отысквийсть, писино въ французскихъ романахъ, вличку или название своимъ собаченкамъ1... Какъ же не сибшно, для скорће грустно, что ты съ радостію согласилась на такую перенану?... Павини, душа моя, а ужъ теперь в почитаю за гразъ называть тебя Розаліей; конечно, можеть быть, это имя и свитой; но оно не тиче и нажется, итть его въ календарт нашемъ; и сердись, не сердись, съ этихъ поръ я буду ваамиать тебя Маврушей, до конца дней твоихъ в монкъ.

— Какъ хотите! Теперь мий исе ранио, и отжила свой золотой изкъ!... По только съ того дии какъ переименовали меня Розаліей, посыпались на

меня вев милисти графиии: платье не платье, нарядъ, не нарядъ! и въ каретъ она возила меня кататься съ собою и яъ знакомымъ своимъ на праздники. Разумкется, для графини вск лоскали меня, дарили разный вещи; игрушскъ у лени было множество! ин къ чему меня не пріучали; хочу учусь, хочу натъ, за то едва могу паписать каную инбудь заинсочку, и то съ трудомъ: наука не долась миф! Никогда в инчего не дълада, нее бъгала, да прыгала съ утра до вечера; графина забавдилась мною какъ кукв оте, наряжала, да охорашивала и любила за то, что в умвия разембишть ее смельии отпетами. А вогда я подросла, то стало още дучие: графиии распустила слуут, что и дочь какого то иностранца, почему и пазывалась Розаліей, что родители моя умерли за сраинисто, и что будто она принезда меня оттуда, еще въ неленияхъ, и отдала на восинтание своей ключниць; въ тому же ова взяда дучшаго танцмейстера и выучила мена тапцовать. На это я была не лівиния! II тогда ужъ всё кавалеры на балахъ графина авали тарцовать меня; а также и важныя дамы, желая угодить моей благодътельниць, даскали и дориль меня безпрестание...

уміла я пачімь пользоваться. Въ реблисстві дарило мин вгрушки: когда подросла — внижки, рабочіе ащички; а потомъ платья и всикіе паряды. А п, бывало, игрушки тотчасъ верелонаю, въ киржкахъ нересмотрю только картинки в брошу ихъ гда вибудь на обић, такъ что, бывало, кинжка мол, въ хорошемъ переплетъ, отъ солица пли отъ сырости ися паогрется, пецертится и заваляется вакъ нукуда годиал? Рабочіе же явдачка, вля коранови в баульчика, сколько бы они дороги и хороги ни были, вольну, бывало, непошу день, или для, будто съ положенною въ науъ работою, вногда и точно начатою, но никогда пекончасмою; а потомъ и пщичекъ миз наскучить, уроню его гда ввоудь и забуду, до другаго повелькаго; поутру уже лакен, убиравине графииниы герницы, подбирають все брошениев мною; ниой отдаеть своимъ дътямъ, а другой снесеть яъ трактиръ; особияво за ящички иногда илатили имъ и дорого: - а ужъ, копфектъ то, коифектъ сволько у меня было! Пу такъ много, что я съ утра до нечера жевала разныя сладости... Представыте же себъ, каково мий тенерь, когда я вдругь оборвадась на щи и на гречневую кашу! Я, которая привывла къ супанъ консомме, къ дичинъ, разнымъ тонкимъ пирожнымъ, желе и бламанже?... Да въ тому же одата какъ теперь...

Слишкомъ нарядио, душа мон!

[—] Что же ты слылала изы всехы этихы подарковъ?

Да шичего, Татыппа Спиридоновна! Теперь ужъ п очень жаль, да не воротишь! Конечно, не

- Какъ? И это вы называете слешковъ нарадимяъ, Татьяна Спиридоновна? Когда я донашиваю
 старыя обносочки прежинуъ платьевъ? Такъ ли я
 бывала одста наканунт новаго года?... Изтъ что вы
 ин говорите, а слезамъ моимъ не можетъ быть конна! Что за несносная жизнь! Хваленая ваша барыня
 встаетъ съ вътухами, такъ что целая свечка сгоритъ
 до разсвета; а ложится въ десять часовъ; ну! где
 это видано? представьте же каково миф? И привыкла
 вставать въ добнадцать, обедать въ нять и въ шесть;
 часовъ; а забсь не усибешь опоминться, какъ в садись
 за столъ, да еще съ какинъ грубымъ кущаньемъ,
 ибтъ и сладкого ничего, а я привыкла къ фруктамъ
 и десерту.
- Вотъ видишь, и и отгадала, что прежима твоя жимы была для тебя не только не полежной, но очень предвою! Ты, душа моя, какой то странцой судьбою, была, что называется, посаженя не ав свои сани! А по истинкой справедлиности, кто родился въ какомъ быту, тотъ и долженъ въ немъ оставаться, потому-что это опредъление Божие! А вто вопреки поступатъ, тотъ и сдълается ни навой, на вороной! Сама видишь, что твое минмое счастие было настоящимъ для тебя песчастиемъ...
- Какъ это, Татънка Спаридоновна, я что то ве попимаю?
 - Такъ, душа мол, согласись сама, что если

бы дареныя теб'я килажи не бросала ты по окцикъ и по столамь, а старалась бы убирать ихъ къ месту и читала почаще, что въ нихъ паписано, то, ковечно, многому бы научилась; а также, еслибъ въ дорогихъ дареныхъ ящичкахъ и порзиночкахъ лежала у тебя настоящая работа, я ты сана начинала бы и обапчивала ее, какъ салдуетъ, то пепремлино была бы рукодъльною дзаушкой, в теперь, при всякой оторнациой ленточкъ, или тесемочкъ, распаровшемся лифъ, или рукавъ, но была бы принужлена клаияться и просыть, или даже платить посторойнамъ, чтобы копранили твое илатье; оттого всъ въ домі, даже и маленькая Даша, емінтея надъ тобою, что ты не умасшь пакть иголку пъ руки!-Также сорсывы папрасно называеть ты барыно нашу, и неспосной, и скупой. Если бы мы съ тобою была такін больныя какъ она, то навърное еще больше обнаруживали бы нетеритивы во иссыт, п если бы паять съ тобой, съ небольшими средствами, какъ ей, пришлось заботиться прокоржить себи и всю такую прислугу какъ паша, то я думню, мы бы табъ заскушились, что не только другихъ, и себя уморили бы съ голоду! А у нея только и вамску, что любить чистоту въ домѣ... воть что тебв то и ис правится, потому-что эта единственная должность поручена тебъ...

Чтобъ обметать пыль съ чебелей... По по-

судите же, Татьпиа Спиридоновна, привыкла зи я, воснитанная въ изсъ, къ тому, чтобы осмотръть каждый стулъ и кресло въ гостинной? А еще мит же выговариваютъ, что нечисто! Разумъется, что не-своены такія паысканія.

- Однако признайся, Мавруша, что они справедливы; положимъ, что еще въ гостинной поридочио чвето, во заглина-ка нъ другія горинцы, куда барыня редко пыходить; напримерь хоть бы въ динанной и въ залъ, я ужъ не говорю в другихъ, напримеръ хоть бы эльсь, въ твоей горинде и въ корридоры; объ ластинив же страшко в подумать, такъ ужъ она загрязивляеть и... извини меня, это еділалось съ тяхъ паръ, какъ поручено тебъ смотрять за чистотою въ домћ. И потъ, по моему, лучше бы не падъвать повитолинуя лехиовь на свои полушки, а нав кружевъ одблать себъ что вибудь понуживе; да и самой не наражаться бы въ шелковое илатье, когда мы здёсь одий съ тобою; а лучше бы для новато года позаботиться, чтобы возда было чисто, потому что это твоя должность...
- Ну! ужъ хороша эта должность! По мить ли она?
- По тебѣ, душа моя, потому что ты другаго пичего не умѣешь. Подумай, за что же тогда п деркать тебя пъ домѣ, да еще платить жалонацье, при готовомъ объдѣ и теплой гориицѣ, да еще хоть

сальной, по даровой свечке; поверь, что все это очень трудно добывать и съ рукодельными руками! И воть тебе доказательство, что барыня наша совсемь не скупа: она, знап, что ты ночего не уместь делать, наъ олюй жалости, когда скончалась твоя графиня, взяля тебя къ себе въ то преми, когда богатые наследники графини отказали тебе оть дома. Ты жалуешься на обедъ, грубый по твоему; но скажу тебе, что ты здороже стала безъ конфекть и лакомствъ. Вспомии, какая ты худая и бледная пришла къ намъ.

- Конство, это правда, сама не знаю отъ чего, в даже потолствла: вск мов прежий, уны! прекраспыя платыща сдълались мив унии; а перешить ихъ не ужко и поневоль должии согласиться съ вами... точно, и по умъта пользоваться пичвиъ!... Вотъ и и встръчаю повый годъ со слезани.
- Понторию тебь, что на объ чень еще илинть! А напротивъ, душа моя, ты должна благодарить Бога, что избаниль тебя оть прежней, нагубной жизни, и присить Его, чтобы помогь тебь, съ этого новаго года, начать другую, полезную жизнь, приниматьси болье и болье за дъло, отбрасить лънь и пеумъстныя прихоти, которыя къ намъ совстяв небдутъ... и тогда нигдъ, даже и здъсь, не будстъ тебъ скучно.

При этомъ слове Спиридоновим, вдругь что-то

зашинтью, маленькая дверна дереванныхъ часовъ отворилась, высунулась дереванная кукушка и жалобно прокуковала 12 разъ.

— Вотъ и наступиль новый годь! сказала старушка, перекрестлеь; встань, Мавруша! стряхии съ себя свою прежиюю дурь; помолимся вибеть и поблагодарихъ Господа за то, что съ Его спятою помощію, окончили мы благополучно прошелийй годъ, эдорово и непредиме; что не лишились ин рукъ, ни ногъ, и не внали въ какую нибудъ жестокую больны; поблагодарихъ за это милосердиаго Бога и попросимъ благословить Своею благодатію—паступившем свою льто! Потонъ ляженъ и засиемъ спокойню, до завтращияго утра, съ намърскіемъ быть лучшими и употреблять жизнь нашу на пользу себъ и другимъ, старансь неполнить обманности, для которыхъ мы рождены и приноминая справедливую пословицу: не садись не въ свои сани!

TPETIS BCTPTSA.

тюремные заключенные.

Были мы въ огромномъ ваменномъ домѣ, на балѣ, у богатыхъ людей; —были потомъ въ деренлиномъ домияѣ, гдѣ пидѣли жалкую дѣпушку, вынеденную паъ споето состоинів и посаженную не пъсвои сапв.

Теперь куда же пойдемъ мы? Воображение ведеть насъ къ толетымъ, неуклюжимъ стинамъ съ крывами затворами... Куда же это?... Пеужели? Да. въ печальное жилище заключенныхъ, то есть пъ городскую тюрьму. По какоо же можетъ быть тамъ празднование поваго года? Развъ одиъ слезы и отчание? Является ли радость въ этомъ уныломъ здания? Посмотримъ, друзья мон!

Толстыя станы, воть внутреннее укранение этого

прачнаго жилища. Тутъ на полу горять ночинкъ съ самым лурнимъ масломъ и наполняеть тъсный чулять отпратительнымъ занахомъ; пътъ ни одного стула; въ углу деревянная полупаломанная скамъв, нозла стани, вмасто постели. Въ передвемъ услу ври-кръпланъ небольной образъ Спасители въ терновомъ въщъ, и передъ вимъ стоитъ на колънахъ старикъ и старуха, оба въ лохиотьяхъ. Бъльне! какъ должиы быть они несчаствы! Эта жалкан чета молитен Богу; посмотримъ на нихъ херошенько! Глаза обоихъ устремлены на ликъ святыйшаго Страдальца, тихіе палохи вырываются изъ груди и слезы крушными канлями унадаютъ на ихъ встхую одежду.

Однако въ лидахъ ихъ не надно он мучительной тоски, на душевнаго страдавія; напротивъ, каное-то спокойствіе осзаветь почтенных ихъ черты, укращенных облыми какъ ситть полосоми.

- Благодарю Тебя, Господи! за то, что смирилъ меня панастями, смерти же не предалъ... за будетъ ясна Твол!—проязнесъ старивъ, вланинсь въ землю.
- Да, Владыко! буди воля Твоя! прибавила старушка; мы страждемъ невишко, Ты это знаешь, и потому помиллуень насъ непремзаню!

Положинъ еще пъсколько земилхъ поклоновъ, они кончали свою молитву.

 Завтра наступить новое льто! сказаль старакъ, садись на солому; вотъ, душа моя, и прошель уже цалый годъ заточенія нашего... но потому, какъ соваєть наша чистан, то горе насъ и не одолало! Господь видимо подкрапляль насъ; точно, отъ всей души должны мы благодарить Его за это, посланное намъ, несчастіс... если можно назвать несчастісмъ то, что очищаєть грам наши и ведеть насъ къ вачной радости!

- Къ наградъ за попивное претерпъвіе и покорпость судьбъ частой луши твоей, милый другъ!—Да, конечно, одинъ Госноль сираведливъ! Опъ не такъ, какъ слабые люди, не видять и не хотитъ видъть истины!
- Пе сътуй на нихъ, душа моя. Повъръ, что дюди инчто болье какъ оруди промысла Вожів, управляющаго наши и посылающаго даже в самын скарби на пользу нашу. -- Къ тому же, будь увтрена, что гонители наши болъе насъ достойны сожальнія. Ты, ртриан моя подруга, со мною! Мы обя спокойно можень спать, на этой жизкой, сырой солони; конечно начъ не очень пріятко въ атокъ треновъ, холодномъ и сыромъ чуланъ-словомъ, въ этой тюрьмъ, кула заточила касъ несправедлиность человических в откудо выведетъ правосудіе Божіе!.. все равно, въ адъщий за еще или въ будущій, зучшій мірь!.. О! душа моя! хорошо, чрезятрио хорошо перейти отъ несправедляваго гоненія адбинаго жіра- въ объятія въчной правди!--За что же инф сътовать на монхъ притеснителей, когда, можетъ быть, за неспра-

Ягцова.

педливые ихъ нападки, будуть мив прощены гръхи кол? Напротивъ, должно просить Господа простить имъ, можетъ быть, и невольное заблуждение на мой счетъ!

--- Ты всегла такъ говоришь, неоцъпенный другъ ной, ты ве умћешь сердиться на на кого! А потому эта перии отличаемая подр. проходить для насъ. также спокойно; им не приходимъ въ отчавніе, не рвежен язъ этого заточенія, въ то время, когда знаемъ, что вся Россія правднуеть этотъ вечеръ, провожая старый в встръчая новый годъ! Конечно есть иногіе, которые подобно намъ встратать его среди скорби и пипастей; есть и такіе, которымъ гораздо хуже насъ! Особавно, если они лишили себи того надежнаго щита, свиозь который не проинкають стръды самаго жестокаго песчастія, вменяю, спокойпой совъсти! ты страждешь невинно, другь мой, и я, сопутивна твол, во желан разстаться съ тобою, добровольно заключила себя здась и радуюсь тому пересному чувству, которое живеть въ душ'я твоей, в мочитает жов сл восторгомя позпосытся ил исемогущему Богу, въ пламенной благодарности за то, что святая благодать Его, не отступно пребываеть съ тобою, и потому ты спокоень при самыхъ жестокихъ ударахъ судьбы! для пасъ все равно, старый, или новый годъ! время течеть однообразно, в только по гронкому благовасту во всехъ церквахъ, знаемъ мы, что завтра праздилкъ... Вотъ самое тягостное для насъ съ тобою, что не пожемъ быть во грамъ Божіемъ и молиться со всъив братьями намими, православными христіанами.

- Конечно это прискорбно, душа моя! во и туть есть отрадная мысль, что мы въ томъ не ниноваты; въ тому же и самъ Госнодь сказаль: «Идъже бо «еста два или тріе собрани во ими Мое, ту есмъ «посредѣ ихъ». (Еван. Мато. гл. 18, ст. 20.) Мы молимся адъсь въ этихъ неприступныхъ для модей стънахъ; но Госнодъ и тутъ посреди насъ! Какое же мірское удовольствіе можетъ съ этимъ сравинтьси?
- Вотъ, слышишь, другъ ной, на городской башит бъетъ детнадцатъ часовъ, полночь наступила, а съ нею и новый годъ явился передъ нами!
- Господи! благослови вънсиъ наступающаго лѣта для Царя, для Россіи, для всъхъ, какъ друзей, такъ и гопителей изшихъ; а также и дли насъ самихъ! наскликнули вдругъ старики и оба новерглясь на землю, перелъ святою иконою Спасители.

Въ эту минуту грустиая тишина, ихъ окружавшая, вдругъ была прервана стукомъ тижелыхъ авпоровъ, брачаньемъ ключей, и двери пъ теминцу ихъ отнорились. Тюремщикъ съ фоваремъ пъ рукъ нереступилъ черезъ поросъ; щ нимъ слъдовалъ какойто баринъ въ шубъ, съ маленькою дъвочкой, лътъ восьми, хорошенькою какъ Ангелъ.

- Вотъ они здѣсь, ваше превосходительство; сказаль тюремщикъ, приподнимая фонаръ, чтобы освѣтить иссь казематъ.
- Подойди възникъ, дружовъ мой Анза, тихо произнесъ господинъ, цакловасъ въ маленькой дъвочит, и скажи зачъмъ ты пришла сюда.

Малютка подбъжала къ старикамъ, стоявшимъ въ изувления, пъ противоположномъ углу.

- Милые мон, почтовныю старички! сказала она знавкимъ голоскомъ, добрый мой напечька позволилъ миз придти сюда для того, чтобы сказать вамъ, что ны, почтонный старичекъ, что ны... аакъ бишъ, папаша!
 - Оправданы, подеказаль отекъ очень тихо;
- Оправданы! вскрикнула дъвочка, и сейчасъ же можете выдти отсюди: пойдемто же, мои душеньки, скорбе, мы пасъ посадимъ из кашу карету и повеземъ къ намъ пъ домъ, гдб очень темло и сибтло, ке такъ какъ здкеь темно и холодво. Поблежте скоръе, маменька васъ дожидается, чтобы намомть члемъ и покодчивать уживомъ.

Дъпочка такъ проворно все это проговорила, что старяки, въ изумленія отъ нечалиной радости, не могли выговорить ни слова, только кланились в утирам слезы, которым быкали ручьемъ.

— Дочь поя говорить истиниую правду; вы, поч-

тепицій доять пазваль старичка по фамиліп), оправданы совершенио, сказаль отець Лозы. Я быль недавно назначенъ, чтобъ насладовать окончательно ваше дело: вы чисты какъ стобло и правы какъ встина! Вст бумаги и доказательства утверждены. Я поэволиль Лизъ пріткать самой, освободить васъ, потому что она была главною причиною вашего оправданія; она къ каждому новому году сперегаетъ изсколько денеть, чтобы сдалать накое илбудь доброе дъло, и нотъ какъ нашаче Господа наградилъ ее, едблавъ орудіемъ освобожденія невяннаго человіка! Но потдемте скорће отсюда; дорогою разскажу вамъ, вакъ это происходило. Сказанъ это, генералъ повель подъ руку старика; а Лиза, припрытивая, поддерживаля старушку. Наградивъ шедро тюремщика, который инако раскланивался, они вст четверо съли въ карету в оставили илвеегда это жиллие ирака и скорби

Дорогою отець Лизы началь разсказывать: «Когда поручено миз было слёдствіе этого дёла, я потребоваль нь себі всі бумаги; секретарь же, полкувленный протишною сторокою, привесь миз фальшикую выписку иль дёла и положиль на столь въмоемь кабинстё; дочь моя. Лиза, случайно была туть же и когда секретарь ушель, и, желая закаться разсматриваніемь дёла, сказаль Лоэф, чтобы она ушла перать въ другую комнату. Она тотчась повикона-

лась в запалась своими куклами за рашеткой жаъ пающа, сдаланной въ углу залы; густая зелень скрыпала се тамъ сопершенно. Только что она тамъ расноложилась съ агрушками, какъ секретарь ношель спова въ залу, съ одиниъ незнакомымъ человѣкомъ и пока зывая ему какую-то бумагу, сталь воздравлять его съ усивхомъ, говоря, что онъ удачно обмануль генерала: совътув ему илти спокойно домой и присовокуплял, что череяъ часъ придеть онъ къ нему, когда ложная бунага будеть прочитана и подписана. Они пожали другь другу руку и тоть ушель; а и позвоииль нь ату минуту, это быль знакъ, что требую секретари обратио. Услышавъ мой колокольчикъ, окъ оробълъ ужасно, Богъ знаетъ отъ чего. Видно, какъ сказапо въ Сватомъ Писанів, что грашникъ бъжить, коти инкто за нимъ не гонител. И такъ, въ испутъ и въ тороняхъ засунуль онь ту бумагу, которую держаль въ рукахъ, за бюсть, стоявшій по ту сторому ръшетян и чошель во мив въ кабинетъ, зная, что въ это время въ залъ инкогда кикого не бываетъ. Бумага же, проскочивъ сквозь решетку, упала къ погамъ лизы, которая уже горько плакала тамъ, потому что хотять обмануть любезнаго ен папеньку; туть счастливая мысль пришла ей въ голову: видно Богъ внушиль эту малютку! И она, схвативь бумагу изъ за биста, побъжала къ матери аси въ слезатъ 🔳 разсказала ей, что секретарь съ другинъ человъ-

комъ обржають медаго ся папашу. Между тімъ. и вельть секретари читать инв ваше дело, и овъ. останавливаясь на каждомъ словъ, обвиняющемъ васъ, даваль чив это заметить. Признаюсь, я уже готовъ быль повършть тому, что вы преступнявъ: такъ интро были полнедены всв къ тому доказательства! Но вдругъ отворолясь боковая диерь наъ внутренпихъ комнатъ и вотжала Лиза съ буматом въ рукъ; это меня удивило: дочь мон инкогда не осмиливается входить во мих въ кабинеть, когда кто вибудь бываеть у меня. Что это, Анза? спросиль и ее и коткав сдваять ей выговоръ; но ока предупреднаа меня, вокрикнувъ: «Напенька не слушийте этого госполина, онъ читаетъ кепранду! вотъ что намъ знать должно! Сказавъ это, оно подала миз бумагу и скрылась,

Я паглянуль на секретаря, онъ поблёдивать и за трясся.

- Что это значитъ? спросилъ я.
- Не зивю... ваше... препосходительство, отвъчаль онь дрожащимъ голосомъ.

«Тогда началь и читать настоящее дело и увидель, что вы совершение правы; а что обвинили вась, единствение для того, чтобы завладеть вашимъ инфијемъ, и то очень небольшимъ. Господи! какъ ужасна страсть корыстолюбія въ челов'якт! И вотъ индосердый Господь избраль этого ребенка и послать какъ Ангела Своего правосудів, чтобы открыть непинность вашу. Разумѣется, но всёмъ справкамъ оказалось, что обвиненіе это было пичто болье какъ самая глусная клевета!

«Когда лиза разсвазала матери со слезами слы**машное ею и показала ей бумагу, тогда жена мол** велбло ей тотчась подать ипт въ присутствии секретари эту бумагу и научила что сказать мих притомъ, и Лила, какъ достойная дочь государственнаго человіка, пополинія посольство свое въ точности: слъдинательно она есть настоящан наша освободительинца. Безъ иси, и сделаль бы величайшее престуилоніе, обвинивъ честнаго и добродательнаго человъкв! И въ награждение, какъ за ваше такъ и собственное мое спасеніе нь этомъ случав, позволиль я ей самой прібхать за вами, почтенифівніе старички! Потденте къ камъ; жена мов ласково васъ приметь и вы можете оставаться и жить у насъ сводько вамъ угодно, пока мы освободимъ совершенно наше небольшое интије изъ этихъ преступныхъ когтей. Пожалуйста не благодарите и не вланайтесь мик: одинъ Всевидещій Господь спасъ встять пасъ, и къ Нему должно отпоситься наше благодареніе! Поэдравляю васъ съ освобожденіемъ, а дочь мою, съ прекраснымъ началомъ новаго года!»

Такимъ образомъ Анза съ ангельскою радостію встратила новое лато и простились съ прошедшимъ, въ которомъ, не смотря на свой, столь еще ранній возрасть усийла она сділать не одно доброе діло, уділям біднымъ отъ всего, что дариля ей родителя и другіе родственнями, изжио любящіє эту милую дівочку.

HETBEPTASI BCTPBYA HODARO FORA.

васильевъ вечеръ ").

Проподивъ счастливую Лизу съ освобожденилми ою старичвани, пъ домъ ся родителей, гдв было употреблено все, что только можетъ придумять добрая душа, дли спокойствів своего ближивго. — мы также, очень утішенные такилъ происшествісяъ, покробуемъ заглянуть еще въ изкоторыя семейства, и посмотрияъ тамъ празднованіе новаго года.

Для перемвны, пойдемъ, друзья мон, по набережной ръни Фонтания. Вотъ передъ нами очень больщое, каменное строеніе. Это уже не домъ, а какъ будто, какой то старинный замокъ, съ колоннадою, окружающею обширный дворъ, съ полодоченною ртшеткою впереди, уже полинавшею итстани отъ времени, в воротами примо на Фонтанку.

Войденте въ это полустаринное здавіє. Кто то живеть въ немъ п какъ то празднують тамъ наступленіе новаго года?

Пройда по ваменной мостовой общирнато двора, вошли мы въ стин, очень высовія и спітлыя, нотому что они были въ два світа и пъ шихъ слілана не очень высовая лістинца въ два только попорота, съ дереванными ступеними и точеной балюстрадой; на ней не было положено ковронъ, вітролтно потому, что ступени, будучи деренанныя, не холодны и не высоки, такъ что очень удобно всходить на нихъ,

Пвейцаръ, съ широкою перепязью, украшенной гербами козаевъ дома, и съ наридною буданою, какъ слъдуетъ, отворилъ намъ двери, позволилъ два раза, означан тъмъ прітадъ мужчинъ и дамъ.

Мы пошля наперхъ; небольшая дверь нела въ переднюю, столь не широкую поперегъ, что сдълавъ не болъе двукъ, пли трекъ шаговъ, очучились мы уже въ продолговатой горинцъ, родъ залы, съ пебольшими окнами, изъ которыхъ два глядъли въ салъ, а два другія въ огромную, великолъпную звлу въ два свъта, бывшую въ нижнемъ этажъ. Изъ

^{*)} Статья эти посвищени описанно дома извъстнато еще не очень данно ин Петербурга и принадлежавнато прежде знаменитому кашему оточествояму стихотворну Гаврину Романовичу Держамиу. Вы посладийе годы домы эточь до 1842 года принадлежных доброзательной супруга его, отличаниейся подвигами добры и информаций; но смерти ен, продавы быль масилдинимии. а поточь егоновы и выявляемы сверженно вимям строенічим.

верхией же горивцы, глу мы изходолись, вела дверь въ гостинную, тоже небольшую, съ полукруглынъ балкономъ, поддерживаемымъ очень толстыми коловинами; изъ гостинной вступили мы въ родъ диивиной стариннаго покром; посреднив этой комнаты пыдавались двъ стънен и составляли глубокую ношь; пивсто обосвъ окв были покрыты кисеею на розономъ грукта и вредставляли родь излатки, съ большимъ зеркаломъ инутри. Кисев, дожась складками, была собрака на потодкъ въ видъ огромной розасы, средину которой составляло другое зеркало, вабланное въ четырсугольную раму; не широкіс, по мигкіс диванчиви была сдаланы вокругъ станъ и украшены подушками пышктыми по какат, съ гирляндами изъ врушныхъ розъ, на аеленоватомъ грунтъ; въ средвит стоиль круглый столь съ разными вожками, которыя поддерживали львиных даны съ золотыми яблоками от костихъ; на полу лежалъ коврокъ, вестрый, по не вышитый, а просто тканый, домашней фабрики. Диванчикъ, на ображенныхъ къ срединъ комияты стъцахъ, опанчивался ръшетною изъ балисъ, выкрашенныхъ подъ арисное дерево; а подлъ стояди по одному стулу, просто переплетенвому камышемъ комнатт передъ динанчикомъ были два окна, а въ простывки ихъ еще третье зеркало, довольно большое, подъ которымъ небольшой столявъ и на немъ поставлена какъ украшение старины, очень запысло-

вато сдължива изъ серебрянкаго оплиграна стракнам опсура съ деревьими, цибтами, райскими птичками, скалою, и даже внизу посажено ийсколько грибовъ съ разноциватными планиками.

Изъ этой горинцы проходили въ столовую, также небольшую, съ тремя окнами дановинки въ садъ; посреднит ся стоялъ раздвижной красиато дерена столь; стъпы были укращены фанильными портретами, во весь ростъ; въ углу стояло фортенівно.

Воть им разсмотръли компаты вередилго фасада, небольшів, допольно пизків; но бель-этажь быль поче вими в даме дже изачасое все великоление старинных украшеній; всь горинцы съ огромными окнями, ствим которыхъ были покрыты праморомъ, шточными шелковыми обоями разнаго цийта и съ раззолоченными мебелями; от гостинной кросла были старинной формы: у нихъ вийсто сищики, дерешинные позолоченные зебеди переплетались крыльями, длинцыя же ихъ шен составлили ручин кресель; головы лебелей были онущены и они имъли пидъ, накъ будто пьють въ золотыхъ блюдечкакъ. -- Таковы были затък старины. А весь ятотъ домъ или замокъ, столько имъль лестинць, переходовь, и свътлыхъ и темиыхъ, что походилъ на одно наъ тахъ старинныхъ строений, которыя столь же стариннав англійская инсательника леди Радклифъ любила подробно и страшим оппециать.

Но вто жители этого страниаго и великолъпнаго замва? Какъ встрѣчають они новый годъ?

Мы входимъ въ залу, слышно пъніс мпогахъ голосопъ, но не роначенъ и не пъсней, а величественные гимвы церковнаго напъва поражаютъ слухъ нашъ пріятивнъ удивленісмъ; потому что мы педавно слышали отлушительный оркестръ бальной мувыки... Здъсь не то! Здъсь не стучатъ въ уши литавры и барабаны; напротивъ, тихое, согласное пъніе волишаетъ душу в осъщетъ се какимъ то спокойствіскъ, какой то неземной отрадой; — это всевощная! Вотъ какъ встръчаютъ здъсь новый годъ.

Очень большой, украшенный драгоцінными кажнами образь Божівіі Матери, Заступнацы всіль христіань, поставлень въ переднемь углу на столі, накрытомь білою скатертью; зажненныя передь нимь восковый сибав придають сінніе золоту в брилліавтамь, которые горять разноцвітными искрамы, на земновь украшеній неземнаго воличій!

Впереди встать стоить бодро и примо, им на что попараясь, уже очень пожилая почтенная дама высокаго роста, стройная и примая, съ виду какъ бы далеко еще недостигшая своихъ семидесяти лѣтъ. По величественная осанка, правильныя черты лида, очень живо еще обозначающій необыкновснную красоту, удвання каждаго, ненольно привлекають взоры! Это гозийка дома, вдова въкогда знаменитаго мужа, павъстнаго каждому русскому, какъ добродътелами сноими табъ и превосходиции стпхотвореніами. Позади почтенной хозяйки, вокругь истяв стіль множество людей всакаго позраста. Всъ вообще хорощо одіты, а ніжоторые помоложе даже со всіми затізами роскоши и моды. Видно, что это общество принадлежить къ высшему кругу. Но еще подалісе въ углубленій передней горинцы и темнаго корридора, примакающаго къ залів, находится многочислевное собраніе слугь и служановъ, также всикаго возраста, даже и съ ребятами.

Всеновная продолжалась; все это иноголюдное общество молилось и — молилось усердне. Примъръ неймъ подивала стоявшая впереди поутояниям старушка, козяйка дона, окруженная своими родными, друзьями и членями многочисленной своей прислуги, по стариному русскому обыкловенно.

Видно было, что здесь величіе земное, со всемъ къ нему должнымъ уважеціемъ, це отумаливало пикого споимъ минутнымъ блескомъ и не отинивло истипивго саста величія небесцаго!

Усердная молитка возносилась нав исёхъ сердецъ, съ братскинъ единолушісяв; вст благодарили Бога, за благополучное окончаніе протекшаго года и просили благословенія и помощи на будущее премя, уже ваступающиго новато года!

Всенощини кончилась, свищенникъ и дьяковъ съ

своимъ причтомъ, съ благоговънісмъ подилли образъ и понесли съ крыльца; все общество, предводимое хозайкою дома, послъдовало за нами, до самой кареты, запряженной отличною четверней, съ двума лакевки въ богатой дивреф. Свищениикъ, поставинъ святую икону въ карету, повель ее въ церковь Встхъ Скорбищихъ Радости, откуда и былъ привеженъ этотъ чудотнорный образъ.

Возвратись въ компаты, все общество обступшю долейку, начались поэдравления, и истанно искреинія жельнік здоровья и счастів на новый годъ. Какъ то случилось, что священники запоздаля своимъ прівздомъ и 12 часовъ пробило, во время службы; но пикто не шевельнулси съ своего міста, такъ повимали иск, зачемъ они туть собрались в что но время молитвы все земное должно исчезнуть! Послеже, все правялись обниматься, педоваться, какъ самые ближије, какъ сестры в братью. Всъ знали другъ друга съ малолътетво до старости; скрытиести туть не могло быть; всякій говориль то, что дуналь; вов сменлись, віутили, общее удовольствіе было написано на всіхъ лицахъ; почтенвая хозяйка не мішала этой шумной радости, она любила, чтобы у нея въ домъ всъ были веселы.

Къ тому же еще у всей этой мкогочисленной родии, было обывновение приносить подарки почтенной сострыць, тетушкъ и бабущив, кому онэ

какъ по родству приходилась; но только не яваче, какъ собственной своей работы, другихъ она нв принимала! Даже мужчины, всякій, что могъ, или чертиль плапъ накого инбудь строенія, заказавный дозвіною дома, большой охотинцею до всякихъ построекъ, или рисовалъ видъ какой пибудь любиной ею мъстности, и тому подобное; или же представлиль модель какихъ инбудь машинъ и агропомическихъ орудій; все это она чрезимчайно любила! Жеящоны же подносили всякаго рода рукодалья; даже иблыя дюжины простыхъ ченчиковъ для донавнияго употребленія, собственной своей работы, или щемизетки, косыночки особенняго для нен покроп, съ высобимъ стоячимъ поротиякомъ, кисейныя, тюлевыя, съ кружевани и безъ кружевъ; вышитыя по канвъ подушки, скамесчки, пазаниме кошельки; а пиогда и что набудь очень богатов, напримаръ украшеніе въ са деревенскую церковь. Она все принциала съ равною ласкою; благодарила отъ души, и всякій утішался тімь, что угодоль ей больше другаго! При этожъ начинались забавные споры, чей подарокъ дучие, сибхъ в разные анекдоты на счетъ того, кто почему не поспаль, или неудачно едалаль; но все это происходило мирно, безъ искнихъ колкостей и оканчивалось обыкновенно поизлуемъ одного другому. Это прекрасное и удвантельное ипролюбіе являлось вменно отъ того, что глава всехъ, достовно ува-

жаемая ходяйка этого дома, была такого удивительнаго свойства, что проживь уже столь лапиный въкъ, пикогда и ни про кого не говорила дурно ш всегда защищала отсутствующаго, повторяя, что мы не знаемъ, точно до такъ это было, или виаче: а съ такимъ свойствомъ она не любила и таки элословія, являлась бабъ древній патріаркъ въ общирной семьъ своихъ племаницковъ, племяницъ, внуковъ в внучекъ, даже правнуковъ! Такъ умъла она возстановлять согласіе въ семействахъ; такъ инрила встхъ своими совттами, что точно, какъ не многолюдно было родство ся, она такъ умъла слить разныя мичнія въ одну черту дружеской связи, что общій миръ царствоваль нь этихъ разпохарактерныхъ душахъ, и домъ он быль свединениемъ вськъ разногласій; ежели я ссорилясь вногда вив его, то въ немъ братския любовь спина волстановлялась.

Птакъ здёсь мы видели истично веселыхъ людей, кота благочестивая старушка не нозволяла затевать бала накануне коваго года. Она говорила, что во порвыхъ, это нечеръ — Василія Великаго, котораго должаю почитать, какъ великаго систильника кристіанской вёры и приветствовать Его намять, не иляскою, а молитной! во вторыхъ, что это качало новаго лёта. «Конечно, все это мало значить, прибавляла она, для того, кто живеть, не думан на о врошедшемъ, на о пастоящемъ, на о будущемъ;

то есть кто ви о чемъ не думаеть и есть нуль между жиными существами... Но человъкъ, одаренный разсудномъ, чувствомъ и совъстію, думая о прошедшемъ, благодаритъ Бога за посланцыя ему блага и смиряется передъ Инмъ, всломиная дин скорби, будучи твердо увъренъ, что все служить къ нашей пользь! Въ настоящемъ старается опъ стоять твердо на прамой дороги, не уклониясь съ вен, ин на право, ин на эћво; а иъ будущемъ, совершенно неизвъстномъ сму, возлагаетъ упование свое на Бога, накъ на существо всевъдущее и зилосердное! Согласитесь сами, что наифриос человикь при такихъ имелихъ. если будеть замычать окончине стараго и наступлеше повего года, то разумителен не захочеть убить время подобляго вечера, въ пустой забавъ людей правлемать, а лучше постарается помолнться хорошенько Богу, чтобы Онь благословиль наизивстное еще ему-вовое льто! »

Такъ исегла говорила эта благочестивая и мудран старушка и пастаплила своимъ примъромъ и совътами, всю миогочислениую родию спою, пожилыхъ, молодыхъ и дътей!

Воть какую встръчу поваго года привелось камъ иштъть, друзья моя! Долго, долго мы объ ней не забудемъ, и постъраемся подражать столь привлекательному примъру.

ПЯТАЯ ВСТРЪЧА воваго года.

какъ дозжно жить.

Заберентесь, дуны мов, на Васильевскій островь, въ Коломию, на Петербургскую, или Выборгскую сторону, —куда инбудь въ одно изъ этихъ отдаленныхъ ятетъ нашей столица! Выборемъ на удачу чье инбудь жилище и войдемъ въ него.

Воть пространный, одновтажный домъ, съ правильный васадомъ на улицу; по за то съ другой стороны, что это за страниые влигеля, пристройки, то съ одного бока, то съ другаго, безъ всякой симметріи? О пранилахъ архитектуры, уже и не справивайте! Видио, что хозяниъ не заняжался такой нелочью, почитая всё явъщий укращенія пустыми, и думаль только о пользъ своего семейства, которое, по всему, должно быть довольно многочисленно,

п по мъръ пужды, пристропваль въ заднему озсаду своего дома, то небольшой одигель, то двъ, или даже одну компату; по счастію, общирное жъсто, подъ этимъ стросніємъ, было въ одной изъ отдалонныхъ частей города, а потому стросан полиція и не видала или оставляла безъ влиманія этотъ повъйжій Ватиканъ, средв столицы, значенитой навществомъ завий всяваго рода.

Любонытно посмотрать на тауъ, кто тамъ живеть и особливо, какъ истрачають оки пошай годъ:

Для того, друзья мон, способъ, который употребляли мы, переходя изъ доча нъ домъ, употребимъ злъсь въ подробиващемъ изследовани, и, однажды вступивъ въ это уливительное строеніс, войдемъ въ баждую отдельную компату; времени у насъ еще много; мы начиняемъ здъсь съ утра, и индемсь, что усибемъ обойти и осмотрать все—къ подуночи.

Невысовая ластинца привеля насъ пъ переднюю; тутъ не пидно большой прислуги, одниъ мальчикъ отпорилъ намъ дверь. Войдемъ нъ залу; здась у окна сидитъ старикъ съ очками на посу; у него допольно строгая наружность; окъ разбираетъ про себя какую то круппонапечатациую книгу и кокачиваетъ головою, какъ будто недоволенъ прочитаннымъ.

Воть, такъ называемая, гостиная: здёсь уже совсёмь пикого иёть;—пройдемте въ угловую, тутъ поставленъ письменный столь допольно большой, и

ня немъ множество каленныхъ бумагъ, какъ видно во формату, по героамъ в печатамъ. Кругомъ ставъ, пъ простыхъ выкрашенныхъ шкафахъ дорольное колячество вингъ, также всякаго формата. На верху шкафовъ вибсто украшеній поставлены бюсты: Державина, Коранациа, Гиллича, Крылова, Жуковскаго, Пушкина и другихъ знаменитыхъ литераторовъ русскихъ. Хазяцяъ долженъ быть прежией школы, религіозно-правственнаго направленія, съ чистотою мыслей, слога и икуса!—Онъ перио придерживается старины?-Это не мъщаетъ!-Если овъ умъетъ цъинть исе возвышенное и благородное въ прошедшемъ, то безъ сомизнія пайдеть его в въ настоящемъ, откинувъ противное тому, то есть нее низкое в норочное. Каждый иткъ, по слабости человъческой, приносить то и другое! нолобие телько ужать отыскать драгопринялії металяв въ песчаныть розсывять и не принимать тусклый блескь издной руды, за настоящее волото, и олово за серебро!

Но полю! Бюсты великихъ писателей нащихъ завлекли касъ далеко!—Попщемъ хозяния этой комнаты; это кажется кабинетъ ученаго, или какого илбудь многопвшущаго чиновичка.

А воть и самь онь сидить подлё нисьменнаго стола, такь углубленный въ свои запатія, что совсёмь не примечаеть, что вокругь него дёлается. Ему літь поль местьдесить; онь еще саёмь, средниго роста,

довольно ровнаго сложенія, не толсть в не худъ; сплоть прамо, накъ всё старинные люди, не либившіе себя нѣжить, и оттого сохранявшівся въ полной бодроста, до превлонныхъ лѣтъ! Глаза у пего красные; видио, что онъ работаетъ уже дянно, можетъ быть и всю ночь не спалъ!—Не будемъ мъшать ому, онъ конечно закатъ именно тѣмъ дѣломъ, чтобы отъ мѣди отличить золото, т. е. отыскать правду въ пѣлой кипѣ бумажной неправды, и спасти невиннаго!

Но изъ пустой гостиной еще дверь, которая ведеть въ другія внутреннія комнаты. Воть большая горинца съ четырмя окнами на дворъ; посрединт ен. поставленъ продолговатый сталь, за которымъ сидить множество дівочекъ маленькихъ и побольше, очень просто и даже бълно одітыхъ. Кинги, тетради, грифельных доски показывають, что
окт учатся, и воть ихъ преподавательница, молодоя
лъпушка лъть 18-та, съ прівтиой, кроткой физіопоміей.—Вста онт обращаются къ ней съ вопросами,
она имъ толкуеть, разсказываеть очень ласконо, и
пъвочки слушають ее съ большемъ винманіемъ.

Это Върочка, одна паъ дочерей почтеннаго чиновника, сидащаго въ кабинетъ; она учитъ даромъ бълныхъ дъвочекъ, почти нищихъ, которыя приходитъ къ ней по утрамъ. Истино доброе дъло!—Но чему же она учитъ? Закону Божно, читатъ в писать по русски, первымъ правиламъ ариометный и рукодъльямъ; на это у нея назначены особые часы.

Заметьте, эта явлая девушка занята такимъ образомъ, даже и 31 декабря. Следовательно, ей некогда думать ин о нарядахъ, ин о пріемѣ посѣтителей съ поздравительными назитами, на завтрашній день; не обращая виманія на эту пустонь жизни, скромная Верочка заната настоящимъ деложь пользою своему блажнему!

Пойденте далже ин корридору; потъ комната въ стороне, кажется спальная, отгороженная ширмами; въ ней сидить на динанк, не столько лётами, какъ слабымъ и больнаненнымъ состояніемъ довольно понидимому устаръдая женщина и со вниманіемъ читаєть разогнутую передъ ней, больнаго формата книгу, кижется Библію, или Житіє Сиятыхъ— прекрасною занатіе по утруї— она чрезнычайно углублена въ свое чтоніе. Но вдрусь въ состаней горниць что-то зашумъло, похоже какъ бы тащили какую инбудь громоздкую вещь, и вскорт изъ-за ширмъ выгланула высокая, очень здоровая женщина и спросила:

- Вы одит, Ольга Михайловиа?
- Одна, Осклуша, что тебъ надобно?
- А воть в принесла вамъ показать. П съ этимъ словомъ выташила она объими руками больмую воранику, покрытую чистымъ полотенцемъ.
 - А! укъ готово! Хоромо, покажи миъ.

Осклума свяла полотению, и что же въ корзанъ? Ве букеты пистовъ и не кисти спілаго винограда, изть! ися она наполиена парогами большаго объема.

- Съ чънъ опп, Осклуша?
- Съ гонадиной, сударыни! какъ теперь дин скоромные, то я и разсудила, что намъ простымъ людямъ вкусите псего и здоровте мисное кущанье; для того и начинила ист инроги рубленной гонидиной, съ лукомъ, да съ перцемъ, что разумъется очень икусно!
- Не сомиваюсь из этомы; ты, добрая Феклуша, мастерица своего діла; передай ихъ Прапу и
 вели отнести въ заиграшиему дию, из городскую
 тюрьму. Пусть и провинившіеся люди, пусть и
 преступники кушають на здоровье и помолятся, чтобы Господь благословиль нашего добраго амининцява Василья Александровича, а для людей пашихъ,
 я надіюсь, также псе уже готово?
- Какъ же, матушка, и для пихъ налечено, да нажарено; безъ втого ужъ нельзя; разумфетел имъ нервымъ слъдуетъ праздловать имянины барина, да еще какого добраго барина!
- Хорошо, Осклуша; спасибо, что псирапня всегла въ своей должности. Господъ наградитъ тебя за ато.

Только, что кухарка протеснилась обратно за ширмы, съ своими пирогами, какъ поила въ комиату дъвушка не молодыхъ лътъ, высокаго роста и благородной осанки, но не нарядно одътая, въ простоиъ, довольно помошелномъ какотъ и такой же незатъйной шляскъ.

- А! сестрица Варенька! сказала Ольга Михайловиа; поди скоръе, поцълуй меня, воть уже два дип, какъ мы не видались!
- Бомсь, не холодна яв я, ивляя сестрица? сію минуту пріїхала; на дворт большой морозъ!
- Пичего, душа моя: я теперь слава Богу здорова. Пу! что твои больная?
- Благодареніе Господу! ей гораздо дучше и лобрый нашъ Карлъ Ивановичъ сказалъ, что уже совстять вышла она раз окасности.
 - Пу! я очень рада, какъ за нее, такъ и за теба...
 - А за меня то почему?
- Потому, душа мов, что ты измучилась—больше десяти почей не раздъявлясь и не спада.
- Есть объ чемъ говорить, сестрица! вотъ теперь высплюсь и буду конь конехъ!
- Да, хорошъ копъ! не забудь, что въдь и ты уже не молоденькая...
- Тъпъ меньше должно беречь себя! и следуетъ благодарить Бога, что Онъ послалъ случай быть котъ неимого полелной своему ближиему; не въкв житъ вдесь, душа моя, надобно запасти сколько инбудь в туда, откуда уже вътъ возврату.

- Согласна съ тобою, другъ мой! подкръни Господь твои силы. Но гдъ же дъти? что и въъ не вижу?
- Они скоро будуть, я послада пяню за ними,
 а Соничку и привезда сама и положила спать.
- Сани готовы, Варвара Александропна, сказаля горночная дёпочка, заглядывая от дверь.
- Кула это овить, сестрица? сказала Ольта Михайловка; а я дунала и теби уложить спать, чтобъ ты отдохнула до объда.
- Я не устала, душа моя, не безполойся. Вначинь, Иланъ говорить, что ему искогда сегодия, налобно приготовить иси къ печеру; то я и разсудила замёнить его, сама польму пироги и свезу ихъ пъ тюрьму, надобно мий сще тамъ провъдать, быль дя синщенциять у одного очень несчастнаго колодияка, который долго не хотълъ принести никакого показнія; а послѣ вдругъ пришелъ въ себя и самъ стялъ просить, чтобы его исповълали и причастили.
 - Я думаю, ты же силонила его нь тому?
- Я, или другой кто, это все равно, сестрина; по чрезифрно утбинтельно видъть, что христівнская душа не погибнеть, а спасется! Воть, что миж хочется узнать! падъюсь, что милосердый Господь, допустить его до такого великаго дъла.
- Помогай тебѣ Богъ! милая сестра, сказкла
 Ольга Михайловна, обияръ любезную свою Пареньку;

овъ были чрезошчайно дружиы. Та уъхала, а она снова привилась за свою кингу.

Но не прошло и получаса, какъ снова дверь отворилась и въ сопровождени изин пошли двт молоденькія діпочки літъ 12 и 13, также не парядно одітыя, въ простыхъ шерстяныхъ платьяхъ и шлянкахъ, уже далеко не повыхъ; по розоныя ихъ щечки отъ мороза, или здороваго сложенія, къ тому веселые, живые глаза, украшали ихъ чрезнычайно. Совстиъ не положе было, что опі прітхали отъ постели больной, а какъ будто авились сюда наъ какого пибудь веселаго собранія: ни малтійшей усталюти, ни утомленія не было на этихъ скіжнухъ дичнахъ.

Опт подошли къ Ольгъ Михайловиъ, поцъловали у нея руку; она, приласкавъ ихъ, сказала;

- Заравствуйте, мон жилыя Нада и «Іюбинька!
 В слышала, что больной вашей лучше.
- Гораздо лучше, милая жаменька, отвъчали онъ;
 сегодня уже покушала она немного супу.
- Слава Богу! ну теперь вы пріткали домой и можете лечь я заснуть немного.
- Мы совствъ не хотимъ снать, дружевъ пашъ ванаша! и инсколько не устали; тетинька такъ берегла насъ, что не позволяла сидъть ночью истиъ карутъ, а поочередно, и мы перемънались.
 - Конечно, въ другое время нечего бы в замъ-

чать; но сегодии такой нечеръ, въ который вы не врхотите лечь рано, а будете дожидаться поваго года, то и совътую вамъ отдохнуть теперь.

- Если вы приказываете, милая маменька, мы сейчась поддемъ; Солячька данно уже спитъ.
 - Подите, подите, и приказываю!

₹.

— Да! да, матушка Ольта Махайловиа, прикажите барынянамъ разділься и лечь из постельки, чтобы отдохнуть хороненько! подтвердила прійхавшая съ ними няни, худенькая, сгорбленняя старушка, повиланняя червымъ платкомъ, яъ наквнутой на илечи коротенькой шубенкф.

Она была илиюнка не только молоденькихъ барышень, но и самой Ольги Михайлонии; ей было уже за 70 латъ, но удинительно бодра и проворна казалась эта старушка. Между такъ дъясчия, поцъловавъ еще руки матера, удалились.

- Да, очень хороно, сударьной, что ты ахъ ноелала спать! повторила ещо илиющае и мальта-то Соничька, туда же сустилась! представь, матушка, всю-то поченьку сидъли у кровати больной Куаминошны, да еще и не родственнацы какой инбудь, а изъ нашего простато быту женщины, пыцей!
- Развѣ это не все рапко, милая нана? Кто етразаетъ, тотъ и есть ближній нашъ.
- Да, да, мое сокрозиме! опо такъ-то, такъ!
 да въдь боязно моъ, чтобы не запемогли.

- II, нътъ, Прохоровна! При этомъ Господъ посыдаетъ силы.
- Оно и точно! потому что вавъ бы иначе тавимъ молоденькимъ выдержать безъ сна всю ночь? Да еще какъ дасково и осторожно обходятся опъ съ больной, что не налюбуещься! Откуда то, Господь послаль имъ такой умъ разумъ и умънье? — Да ивдь и вей то дътки трои такія; воть хоть бы Алеша! въдь опъ заботится какъ отецъ о мальчикахъ, отданныхъ въ ученье, которыхъ еще самъ празумиль эпать и граноту; и Вася и Костя, да и большей то, офицеръ Пиколай Васильевичь, всв опи, до больныхъ и до обдимув куда жалостливы! ужъ чамъ то чтыть не утынать и спротокъ во флитель... . ев рами то, служителями споими, обходится учтиво, да дасково: апкогда не приказывають, а всегда въ честь попросить, что нибуль сладать. Да! точно можно сказать, что каградиль тебя Богь, дорогая мод Ольга Михайлосии, такими датками, какихъ и желать лучше не пожно!... Охти мит! А и то, гръшкица, сколько рвалась, да илакала, что ты, моя голубушка добровольно пошла захужъ за обдваго жевиха! Тогда ведь Васплій то Александрычь, быль визо простой офицерь; ну воть теперь другое дъло! онь ужъ генераль, да еще кожъ вырядител въ праздинкъ, падбиетъ свои ленты, да звъзды, да кресты золотые съ бриліантами, на разноцивът-

ныхъ ленточкахъ, то, конечно, заглядынье! У меня такъ сердце и радуется. А прежде а, старая дура! желяя тебъ женищка богатаго, графа или князи, не осущала глазъ своихъ; за то теперь каждый день, утро и вечеръ, благодарю Госнода Бога, что Онъ не поглядътъ на мон горькія слезы, а сдълаль но Своей великой премудрости и каградиль теби, мое сокронище, такимъ добрымъ и умикамъ бариномъ, что не въ сказатъ, ин перомъ написатъ! Да и вел то семья точно благословенная: и золовущки твои, изволь подумать, любитъ тебя и берегутъ какъ сестру родную! Да, общимъ словомъ сказатъ, что и во всемъ свътъ такихъ госнодъ не отыщещь!...

- Анисья Прохоровна! а Анисья Прохоровии;
 вигиталь топенькій голосовь за ширмами.
- Тебя кличуть, милая иння! снавала Ольга Михайловиа, не безь удовольствій слушавшая откровенную болтовию старухи.
- Ну! что тажь понадобилось? спросила послъдини, оборотись въ ширмамъ.

Маленькая дівочка, выступивъ нат за ширугь, отпітала: «Ппань Алексітать просать у васъ ключь отъ кладовой. »

- Па что сму?
- Пванъ Алексънчъ говоритъ-съ, что надобно вынутъ хоромія чамым и дна больміе подпоса къ вечеру;

- Бъ чему это, два подпоса?
- Онъ гонорить—съ, Анисън Прохоровна, что на одловъ подавать чай, а на другой разложить орукты и виноградъ.
 - Пусть подождеть; еще долго до нечера.
- Навиъ Алекевичъ сердится и говоритъ, что ему некогда ждатъ-съ, что у него много другаго дъда-съ.
- Пу! ему всегда кажется, что вивъсть кажъ запитъ!
- Конечно, милая напа; онъ одить у пасъ буфетчицъ, а семья наша не маленькая, сказала Одига Михабловна.
- Да, сударына, ты готова баловать венкаго? А что наша селья? много ди требуеть уходу отъ наст слуантелей нашихъ? Вы вст такіе, Богь съ нами! добрые, да не леннвые, что почитай и ясе леннете саяв. Видала и другихъ господъ! Барына то сцить, да полеживаеть до нолдиа, когда ужъ добрые люди, наработавшись, садится обедать! а когда встанеть, то и пейдуть позвонки: то подай девушка, ила человькъ, илатокъ, или оданочнать съ духами, съ другаго стола; не хочеть и руки то протинуть, чтобы взать саябё? а посмотришь чемъ заната? сидитъ угонувши въ мигкихъ вреслахъ, да яваеть отъ скуки, или чвтаетъ кинжку... да яваеть отъ скуки, или чвтаетъ

башь ихъ называють, романы что ля?, пъ которыхъ говорять, ужасть сколько всякаго надору написано! А между тімь бідные лакен, да дівушки, сколько лишнихъ башмаковъ, да сапоговъ напосять съ са безпрестанными позвонками!

- Анисья Прохоровна! раздался сильный годосъ за шириами.
- Ну! ужъ самъ примелъ! бъжать поскорке, а то осерчаетъ больно. Простите, матушка Ольга Махайловна, полюдьте другой разъ придти.
 - Приходи вогда издумаешъ, являя илин.
- Хорошо, мое сокровище! а теперь бъту! бъту! А ужъ какъ отрадно разговаривать съ тобою, мое сокровище!... Охъ, ужъ мин этотъ Поапъ!
- Въ другой разъ, жилая нянюшка, наговоримся мы вийстй; мий очень пріятно слушать тион разсявзы.
- Ой ли? моя непагладная!—За ширмами раздэлся шунъ.
- Пу! пу! сейчасъ! сейчасъ! И Прохоровна, постукциза каблучками, скрылась изъ компаты.

Ольга Михайловиа опять разогиула свою кинту и принялась оканчивать, столько уже разъ преразписе чтеніе.

Воть мы теперь познакомились съ въкогорыми лицами вът семьи и можемъ судить, въ какомъ направленія проводять они жизнь свою, безенорно Ягнова. незатьйную, — но, если сивемъ свазать, то въ самой лучшей простоть, какую только пожелать можно.

И такъ, друзья мон, помедлимъ въ этомъ домъ, достойномъ подражанів, и продолжая обзоръ нашъ, выйдемъ на обширный дворъ и полюбуемся тудными пристройками.

Воть одна компата придълана къ левой стороне дома; потъ две другія, довольно большія, приставлены къ правой, а воть еще и цельй флигель примъннуть къ решетке, отгораживающей садъ.

Войдемъ въ первую компату. Въ ней живеть хромой, наукъченный старичекъ, вакой-то страннивъ, который прівхадъ съ повутниками изъ Симбирска, 🕊 нечаяние зашель въ этоть домъ просить милостыми; эджеь добрые люди его приняли, обласкали и ему такъ поправилось, что опъ сталъ просить Христаради оставить его жить съ ними, говоря, что у кего нать им рода, ин илемени и что ходить по міру съ больными ногами очень трудно. Для добрыхъ нашихъ хозяевъ, слишкомъ были достаточны подобныя причины, чтобы приплть его къ себъ, и какъ въ дом'в не было тогда особенной горинцы для старака, гдъ бы онъ могъ жить спокойно, то Василій Александровичь и велікль пристроить эту горинцу, сдълать въ ней русскую цечь съ дежанкой; одникъ словомъ сдёлать исе по обычаю простыкъ людей; старикъ этотъ какой-то бъдный жъщания.

и воть уже насколько лать живеть у пихъ. Какъ старшіе въ семействъ, табъ и молодые часто посъщають его и приносять ему исегда большое утъшеніе, ласковыми словами и бесігдой съ бігдивіяъ страдальнемъ, который уже другой годъ лежить недвижнить на кровати; а вногда даже и небольшнить подаркомъ утвижють его какъ ребенка! На счеть пища и одежды, разумфется онь обезпечень совершенно; также заботятся и о томъ, чтобы какъ бълье па немъ, такъ и въ горинцъ было бы чисто. Но сосъдству къ нему помъщенъ другой старикъ, котораго видкли мы въ заль; это небогатый дворявинь, онь присчитывается въ родою хозяевамъ, хотя ведеть эту лишю отъ Адама. Опъ также почанню попаль къ немъ, изъ теплаго илимата, и потому теперь встив недоволень, сердится на стверную жиму и ворчить на холодное лато; даже ни одна кинга не можеть уголить ему; онь во всимъ находить что инбудь не по немъ, потому имения, что сакъ очень строитивато права, по однако добрые хожева и этого волья обратить со временемъ, въ сиприую овечку.

Хорошо! посмотрямъ теперь ито живетъ въ маухъ большихъ пристроенныхъ горинцахъ? — Тутъ маходится целое семейство, очень близкихъ хозяевамъ людей. Двоюродная племанища Ольги Михайловны сирота, вышла замужъ за одного очень бъднаго дворанина, служнешаго иль то на Кавказъ; тамъ еще жили опи кое-какъ, пока служилъ чужъ ея, но онь потомъ умеръ, остава жену съ четырьмя литьми в безъ вуска хлиба. — Въ такой крайпости, къ кому приобгнуть какъ не къ доброму дадюшей Василью Александровичу? Бъдная эта вдова описала ему свое горькое положение, и онъ велълъ ей прітхать къ себъ, пославъ в денегь на дорогу; а между темъ, видо, что нь доме ихъ нельза поикстить цвлую семью прибылыхъ людей, тотчасъ паняль работниковь и вельль пристроить двь большія компаты, которыя, булучи перегоржены, образопали четыре, и илеманивна съ датьчи очень хорово помъстилась. - Консчио очень трудно было Василью Александревичу, который быль самъ небогать, содержать еще цьлую семью; за то овъ уже служиль безъ отдыха и Господъ поногалъ ему, что навываетен, сводить копцы съ концами.

Воть еще отдельный флигель на дворё, гдё жинуть дворовые люди. Хозаева этого дона таковы, что о прислуге споей заботател, какъ о родныхъ датяхъ, и устроивъ слугамъ теплое помещене, наблюдаютъ, чтобы пища ихъ была нъ достаточномъ количестве и здоровито качества, тваже и одежда соотиетствовала бы временамъ года; словомъ, дворовые люди составляла также часть семьи ихъ и благодарность съ одной стороны, а покровительство съ другой свизывало такъ и другихъ взаимной любовію, такъ что Василій Александровичъ, быль пастоящій дрепній патріаркь въ дом'є своемъ.

Однаво, спаружи видно, что и этотъ люденой олигель не остался безъ пристройки: и туть приставлена горинца съ перегородкою.—Кто же запимаетъ ес?—Узнаемъ сейчасъ!

Видите, одна изъ сестринъ хозянна, также дъвушка исмолодан, накрынъ голопу и плечи большинь шерствицив платномъ, подобрань неминого илатье, пробирается по стъпкъ, около двора, занесениаго, недавно выпанивых сифгому; она идетъ првно къ пристройкъ флигели. Последуемъ за нею. ---Что это? Какое множество маленькихъ ребятишенъ выбажало на крыльцо, къ ней на встрачу? Родость одушевляеть этоть маленькій народь; всй говорять варугъ, вст что-то разсказываютъ, но невозможно полить врчего! и уже Прасковья Алексанаровна, желья укротить этоть чрезифриый восторгь, кельла имъ идти въ горинцу и сама последовала за инин, строго запретивъ прыгать и скакать, а, приназыван усветься смирно, и чтобы одинь изъщих разсказаль что съ ними случилось?

— Недавио, передъ тъкъ, какъ вамъ придти, шили маменька (такъ возывають они свою благодътельницу), качалъ одинъ наъ мальчиковъ, пришелъ къ намъ какой – то незнакомый человъкъ и спросиль, скоро да вы придете?: мы отвъчали, что ждемъ васъ. Тогда онъ вынуль изъ кармана запечатанное письмо, подаль мит какъ старшему и сказаль: «Вотъ ванъ вебят подарокъ на повый годъ»! Потомъ овъ спросиль, какъ меня зонуть; я сказаль, и онъ прибавиль: смотри же, Петруша, береги это письмо и тотчасъ передай его изъ рукъ въ рукв, благодътельницъ вашей; а вы, дъти, не смъйте до нето касатьси»! Сказавъ это, онъ ушелъ, а я тотчасъ положиль нисьмо на средину большаго стола...

- И мы только смотрёли на него, милая маминька, а не смели дотропуться?
- Только издали посылали ему пошклув ручкою! прибавили меньшіе. — Всеобщая радость онать вышла изъ предкловь, ист принядись прытать около етоло, адк лежаль тапиственный изкеть и громкіл восклицація шли кресчендо.
- Таше, дъти! тише! говорила Прасковья Алексаидровна и будучи сама очень исселаго права, не могла не ульобаться, смотри на ихъ радость, что ободряло ихъ и они начинали шумъть еще больше.
- Я приказываю молчать! сказала она строго.
 И все утихло.
- Зачълъ же вы не спросили, кто именно прислаль памъ такой подарокъ?
- Мы епрашивали! всв, вст спрашивали, да овъ не хоткаъ сказать и только ухода прамолявлъ;

Богу извістно, милын діти, кто вамъ еділаль добро, а вы только молитесь за раба Божьяго Николая.

- · Пу! чтожъ, молялись ли вы?
- Молились, милал маменька, молились! такъ сейчасъ и упали на колчан передъ образомъ!
- А еще баринъ этотъ сказалъ, что въ письшъ-то положены встиъ намъ новыя влатья!
- Hy! это немножко мудрено, сказала Прасковъя Александровна, распечатывая наветъ, и нашла иъ немъ 100 руб. сер.
- Точно, милыя ребятки, можно будеть ещить вамъ встять, по новому илитью; да еще и остякотса на другое, что будеть намъ нужно; слава Богу! есть добрые люди на сатть, которые не забывамть спротъ! А вы не забывайте молиться за свояхъ благодателей.
- Мы и не забываемъ, и молимся всегда! всегла! кричали дъти опять всъ идругъ; в за насъ, ивлая маменька, молимся и еще больше!
- Спасноо, друзья мон, спасноо! сидьте къстолу и возинте свои кинжки, скоро придеть учитель вашъ, Висенька; не хорошо, если не будете знать уроки; а мит надобно поситывать пъ другое итето. Простите, дъти! При этомъ вст кинулись къ ней, хватали ся руки, платье, целопали, и опа насилу могла вырваться отъ нихъ; сама даскала каждаго, говори: Господъ съ нами! будьте умны

и сидите сиприо.—Такъ говорила добрая Прасковъя Александровна, истилная вокровительнога этохъ бъдныхъ круглыхъ сиротъ.

Посъщая однажды, но своему обыкновению, большицы, она нашла адву несчастную жевщину на смертвомъ одръ, готовую уже предстать Господу. Одно треножние он последния минуты-то участь несчистныхъ легей ся, которыхъ не знала кому поручить. Промысль милосердаго Бога утамиль умироющую мять, пославъ ей въ этотъ скороный часъ добрую Прасковью Александровну, которая не отказалась взять сароть ев на свое поцечение я закрыть глаза успововный матери: съ той минуты перевезда изъ къ себъ, почти въ свою сладыно; но какъ тутъ быдо уже очень тісно, то и начали придумывать добрые можена какъ бы помъстить ихъ получще, и Василій Александровичь употребиль на то прежнее средство, пристроянъ кажнату въ олигелю, перегородиль ее, и для дътей было тамъ очень хорошо-

Васснька, меньшой сыкъ Василія Александровича, мальчика літь десяти, училь старшихь чатать и писать, а меньшихъ забавляль перушкови, кокіл только у ного случались. Пирочемь и ост другіе его братья и сестры утішали спротокъ, всякій чіть могь, а меньшіе приходили яграть съ начи.

Однако мы столько употребили времени, на осмотръ дома, что уже день переступиль за поло-

вину. Утреннія занятія вончились, и воть вся семья собранась въ гостивую. Послідуемъ и мы туда же. Но какое ихъ миожество! Крожк отца и матери, тетушки, сестрицы, братцы, племянники и племянникі! Недавно еще пустав гостиная наполнилась совершенно: кто помъстился на дявані у большаго стола, кто у оконъ. Однако это общество и теперь не праздно! Вей занаты работою: дамы усердно шьють нав однизкаго голубаго ситца дітскія платьницы; всі торовятся, хотя видно, что работа уже приходить къ концу, потому что остается только пришить завязочки, насадить пуговки.

Сама даже хозайка дола съ большимъ старавісиъ плететь на коклюшкихъ плоскій изъ желтой шерети шиурокъ, и уже изсколько клубковъ лежало нередъ пею, которые браля швен и вивсто галуновъ обшивали рубашечки для мальчиковъ, а даночкать двдали изъ него кумачки и пришавали кисточки; работа, что называется, кинтла! Этинъ были заняты двушки, а братцы ихъ раскращивали готовыи картины, скленвали доники, выразывали солдатъ и деревья изъ картона. — Все это были подарки для паленькихъ сиротъ, по случаю повясо года.

Когда посавдній подожнав свою работу въ картонь, для того поставленный на столь, Одьга Михайловна сиросила: все зи у вась готово, друзья мов?

- Все, совершенно! отвічало ей множество голосова.
- Хорошо, мои милые! скоро уже два часа и дорогой нашь труженикъ Василій Александровичь скоро перестаноть работать и придеть къ намъ, тогда сядемъ объдать; вы знаете, какъ онъ любить постоянство во всемъ: какъ положено однажды, такъ и должно быть всегда.

Едва сказала она это, какъ дверь изъ кабинета отворилось и почтенный нашъ Василій Александровичь, устальні отъ умственной работы, но веселый и привътлиный какъ всегда, присоединился къ своей многочисленной семьъ. Всѣ отправились въ столовую и сѣли объдать, а нотому какъ не было тутъ им затъйныхъ блюдъ, им излашилис кушанья, то объдъ, хотя вкусный и сыгный, не долго продолжался.

Вей повиратились въ гостиную, гдт каждый сиймиль привести въ порядокъ оконченную работу и убрать все излишиее со стола и стульевъ. Василій Александровичь, смотря на нихъ, задумался и потомъ сказаль: «Вотъ друзья мон! и голь уже приходять къ концу, какъ ваша работа!—Надобно, чтобы всякій изъ насъ подумаль, что сділаль полезнаго, въ теченін этого времени, что пріобріль для души и судя потому въ каконъ чувстві расположень встрітить наступающее літо, да номожеть Господь паждому изъ насъ ознаменовать его добрыми ділами!» Такое разсуждение главы семейства отозвалось въ сердив каждаго, и исякий безмольно повторилъ ту же молитву къ Богу, нъ душт своей.

Посля того старшіе пошли отдохнуть немного, а потомъ, проворно встапъ, спішили одіться потешляю и со пстямь семействомъ отправилянсь нъ ближнюю перковь во всенощной на новый гедъ; а главное— на большой праздникъ Образанія Господня и празднованіе св. Василію Великому.

По возвращения изъ церкии, пашли они въ залъ всёхъ слугъ и служановъ, которые пришли ихъ поздравить: по ихъ минию, коный годъ уже пачался, потому-что служба на всепощной была уже другато для. Добрые господа ласково благодарили всёхъ; многичъ сдълали небольшее подария. Когда всё поди ушли, пробило десять; дпери въ гостицую растворились пастежъ и вошло множестно мальчиковъ и дъвочекъ; всё одёты одинаково, въ голубыхъ платьяхъ; эти париды намъ зиякомы: им пильли, какъ ихъ дошивали; а теперь укращаютъ они ученицъ Върочки и учениковъ Алени, также и маленъкать спроточекъ Прасковъп Аленендовны.

Вст эти дети вошли очень тихо, остановились посреднив горинцы в запеди согласнымы хорожь, пексторые стихиры праздника. Они могли это сделать, потому-что Верочка и Алексей, между прочимы, учили ихъ и церковному прайю, а потомъ уди-

вили они всъхъ тъмъ, что запъли поздравительные стихи собствениего сочинения:

И мы, ребятацки, Поздравлять пришли; Наши здъсь уминами Многое нашли! Много, что полезно, Нажь же самимь! И за то любезно, Васъ блогодарнить!

Мы ужъ не невъжды, Учимен у васъ; Повыя одежды Укращають насъ. Одиоцитны изатья Ванихъ же щедротъ! Мы какъ сестры — братья, Въ этотъ новый голъ!

Въ тё часы какъ близко, Полночь на дворѣ, Клаплемси пизко Вашей мы семьѣ!

При этомъ словъ, они проворно составили каре какъ солдаты, ляцами во исъ стороны и поклоинлись въ поясъ. Такияъ образомъ вышло, что поклонъ ихъ былъ, что назывлется на есъ на четыре стороны, потомъ они запъля снова:

Всткъ васъ поздравляя, Молимся о томъ, Чтобъ Творца святал Милость, съ этимъ диемъ, Ветхъ васъ осъщила На весь — Повый годъ! Щедро наградиля, За насъ за спротъ!

Но вакъ мы не сможемъ, Отплатить потомъ; То за исфул положимъ Здрев земной поклопъ!

При этомъ вси плацы и илины, выстроись въ рядъ, обернулись из образу и поилонились из землю.

— Снасибо, спасибо! индыл дати; благодаримъ вась! раздалось со истхъ сторонъ. Вст стали ласкать извчихъ, подарили инъ по изскольку сергорииыхъ денегъ и потомъ новели из особую горинцу,
гдъ напоили ихъ часиъ и накормили ужиконъ.
Между тъпъ стали събажаться и настоящіе гости,
потому что холяева наши были такого рода люди,
которыхъ вст пскренно любили и оттого многіє
съ вечера прітажали, чтобы истратить ноный годъ
съ ними и позгравить заранже завтрящивго имевинянка, Василія Александровича.

Гости собрамись. Но что это за общество? Разнообразите его, я дукаю, не найти но всей столицт!

Надобно вамъ разсказать, что вся эта семья, не смотра на безпрестанныя занятія, была такъ госте-

прівяна, что всякій съ радостію пріважаль в придодиль, бъ нимъ какъ точно къ людимъ Божимъ, которые съ искрепкимъ радушісяъ принимали каждаго, не разбирая званія и положенія въ свъть; вскув равно угощали, отъ всего сердца и души. Оттого, между ихъ гостей были и высшаго круга и средняго, всякаго званія люди; также изъ духовенства в купечестра, богатые и бъдные; для вежкъ быль доступень этоть патріархальный домь! Были туть ученые, умные, съ большимъ просвъщенівив; были и простые, совстив уже пеученые; были одътые по последней моде съ большимъ вкусомъ и такіе, которые не имвля попятія, что за эвфрь мода и позможно ли приложить вкусъ въ одеждъ. Однако же столь развородное собрание въ этомъ домя, какъ то сливалось въ одно. Всв лалались добры, спистодительны, никто ин надъ кътъ и ни надъ чёнъ не сменлен: какъ будто самый воздухъ, окружающій эту семью—проникнутъ быль ипролюбіемъ! Вст были вегелы, всякій говоризъ какъ умель; коляева до того уравновесили все умы общем ласкою и винманіемъ ко всёмъ, что гости и сами какъ бы забывали различе своихъ чаловъ в званій, по мірскому распредзавнію.

Пріятно летіло время, въ такой дружелюбной бесіді; на больших часахъ пробило 12.—Начались поздравленія съ наступившимъ помиль годомъ, и поздравленій искренній, не смотря на то, что здоровье пили не изъ раззолоченныхъ бокаловъ, а просто изъ римокъ и даже не шамранскимъ, а дошашием паливком, вишневком и малиновком, издълія одной изъ барышенъ, которой препоручено было козайство.

Посят того, гости своро разътхались, и хознева сповойно разошлись по своимъ коминтамъ, гдт, разумтется, старшіе долго еще молились, благодаря Бога за прошедшій, счастлиный для нихъ годъ, потому-что миръ души ихъ не былъ нарушаемъ, и просили благословенія Господил на новое паступающее літо.

Молодые же ихъ семьние, хотя не такъ долго, но съ чувствомъ и усердіемъ исполнявъ ту же священную обвашность, жирно легля на свои кровати и предались сладкому слу, какъ непремъщому последствію дня, проведенняго съ метициой пользою какъ себъ, такъ и ближнимъ своимъ.

Оставимъ ихъ въ мирномъ упокосини, подъ останениемъ Ангельскимъ!

Одникоже не подумайте, друзья мон, чтобы жизнь ихъ была слишкомъ строга и невесела; напротивъ, они наслаждались ею иъ полной мѣрѣ; будучи совершенно счастливы дома, не чуждались они и сиътскихъ удовольстий, только умъренно и съ разборомъ. По воскресеньниъ и праздицкомъ сбирались къ памъ но вечеро коротко знакомые молодые люди и дъвища, и тогда уже веъ истично веселилились: тутъ не было инчего натапутаго; все дълалось но собственной выть, а не дли какихъ инбудь расчетовъ, или приличій свъта, часто очень скучпыхъ.

Ипогда старушки-тетушки, для развлеченія молоденьких племацииць, вздили съ ними из театръ, когда бывало дорошее предстапленіе, интающее душу и дъйствующее не зловредно, а благотворно на воображеніе.

Пятал каша пстръча новаго года показываетъ намъ, что и въ шумиой столицъ, и среди вихря свътской жизви, можно псполнить всъ высокія добродѣтели истинизмъ христіанъ!

Воть вамъ, друзья мон, разныя встръчи воваго года. Ръшите сами, которая изъ инкъ дучще?

МАСЛЯНИЦА

MUR

MERMA RAPTREM Y BARYMEN DA AATS.

МАСЛЯНИЦА

111111

живыя картины у бавушки на дачь.

На Дворцовой площади выстроено иножество балагановъ, въ которыхъ представляются разныя, такъ называемыя, лубчоныя комедія. Тутъ высказываются всякія дурачества, увеселительныя и сифиныя, для простаго народа.

Тамъ же устроены горы, съ разноцийтными олигами на верху, и всякаго рода качели; одий, поворачивансь горизоптально, медленно описывантъ кругъ, на одномъ мъсть; эти очень похожи на круглый балконъ, анутри котораго сдъланы скамейки, чтобы спокойно могли сидъть охотники до подобнаго увеселения. Другія въ видъ дерезанныхъ, осъдланныхъ домадокъ, бъгающихъ въ кругу, приводятъ въ восторгъ, сидащихъ на пихъ бойкихъ мальчиковъ, ме только уличныхъ или простыхъ, но веръдко и тахь, которые съ родителями своими живуть въ роскошныхь дохахь. Всть они туть одинаково веселятся и громко смаются. Есть качели и болте затайныя, по болте и онасими, которыя вертивально подинаются сипзу вверхъ и опускаются тотчасъ сверху винаъ. На этихъ седоки уже гораздо постаре: нужники съ бородвами и безъ бородокъ; сидальцы, лавочники съ скоими женами, сестрами и дочками помъщьются по два человака, въ привъшенныхъ ящикахъ или качалкахъ; они вст кажутся очень довольны своей судьбою; такъ они отъ всей души смаются, подиниаясь вверхъ, и заставляютъ смъпъси другихъ, когда съ видимой робостію опускаются винаъ.

Между такъ на выходахъ, придъланныхъ въ балаганамъ, крипляются арлекивы, одатые съ непмовъркой пестротою, въ шутовскихъ колнакахъ съ бубсичивами пульчикельы в бълье пісрро, пли пинцы; вет вик, прибирал исякій вэдоръ, забавляють простой народъ, который толнами сбирается посмотрать на инхъ, и за небольшую плату псякій можеть покачаться на любой качели, пли сътхать, съ непионърной быстротою, съ крутой ледакой горы, при громкомъ смахъ сердечнаго удовольствія.

Люди всякаго звакія: купцы, дворане, чоновники, даже и лица высшаго круга, находится туть же; только послідніє большею частію не пішкомъ дви-

таются вокругь балагановъ, а вадять въ каретахъ, повозкахъ и наримкъ саняхъ, запряженныхъ колями, покрытыми отъ хомута силошь до санимхъ постронокъ разноцойтимия сътками или пестрыми покрывалами, защищающими сидищихъ отъ сивтовыхъ брызговъ. Вск эти экипажи тянутся стройною чередою одинъ за другимъ, нъ три и нъ четыре рада, и кружатся на площади.

Туть упидите вы отличныхъ дошадей, по векхъ статяхъ; богатые экпияжа съ свдящими вцутри, но большой части, датьми.

Въ наемныхъ экинажахъ, какіе обывновенно длинными вереницами, въ другихъ случанхъ, слідуютъ въ нохоронныхъ шествіяхъ средняго вруга столицы, сидить дамы втораго разрида: жены и дочери небогатыхъ дворянъ, чиновинконъ съ небольшимъ жалованьемъ, а иногда хоти зажиточныхъ, но не любвинхъ роскоми, кунцовъ; равно какъ различныхъ ремесленинковъ и мастеровыхъ иностраннаго неха.

Зател уже не видно утоиченнаго вкуса; туть хотя иткоторые и приближаются къ модъ, не какъто не совствъ: есть и перья и цатты, не все
что-то, не такое, купленное подещевле и въ мало
наптетномъ магазинт. Тутъ есть даны, даже и съ
наптечнами на головахъ; не за то эти уже большею частию отличаются цитущимъ здоровьемъ, что
доказываютъ ихъ полныя, румяныя лица; очевидно,

что насладись вкусными и жирными блинками, потхали опт кататься съ сполими удовольствіемъ.

Не еділять слишкомъ больщой ошибки, можно сказать, что катальщицы втораго разряда сіли въ спои некрасниме рыдваны, не для какого нибудь магического слова: «что такъ принято въ світь», а совершенно добровольно, то есть нозъпшівь сильное желаніе покататься на маслиниць, другихъ посмотріть и себя ноказать.

Илощадь винить народомъ, все сустатся, толкаются, каждый старается заслянуть во всв видимые уголки пострыкъ увеселений; многие сившать зайти въ балаганы, кинувъ на автеръ ивсколько цвлковыхъ, пріобратенныхъ грудами, вли просто постоять. разниувъ ротъ, передъ какимъ нибудь фигапромъ на болкова, и если не цалковые, то не менке того дорогое премя развиять какъ дымъ по воздуку! Представляющіе комедію бізгають, пертатся, кувыркаются; прители хохочуть, радуются, хотя часто сами не знаютъ чему, о такъ себъ, потому-что въ ату масланичную пару всякъ тотъ, кто пришелъ сюда, невольно сябется общимъ сябхомъ, неселится общимъ восельемъ, которое почти столько же заразительно какт горе и нечаль. Здась бываеть забавно то, что актеры, находищиеся въ дъйствии, заспатрявансь на окружающихъ, обращаются въ эрятелей; а гулающіе пішкомъ, или важно проізжающіе

въ карстахъ, думая быть эрителями, въ свою очередь сами дължится актерами, для тъхъ, которыю смотрять издали на это иссобщее представление.

Въ числъ этигъ отдаленных настоящих эрнтелей, находилась одна очень умная и почтенная старушка. Александра Семеновна, которая, сида въ своей гостиной у окна, выходищаго на Дворцовую площадь, смотръла какъ передъ глазани ея кружилась вестрая масляница, въ видъ безчисленныхъ экинажей в толнами приходилъ и уходилъ народъ, насладась весельемъ своихъ собратій.—Подят старушки стояли двъ ен визчки: Маша 14 и Лиза 12 лътъ.

Домъ, гдъ опт жили, быль въ три этажа; онв смотръля изъ самаго верхняго, потому могли видъть все капъ спаружи, такъ и внутри такиствонной загородки, привлениющей толны любопытныхъ. Имъ не нужно было садиться ин пъ карету, ни въ сани; в спокойно могли опт разснатривать всеобщую суету, ваъ окиз своего дома, почему бабушка и инучки, шута, называли это дешевое зрълище напорамою адмираливноской площади во время маслиницы.

По такому счасным вому состдетву къ насланячвымъ удовольствіямъ, многіе изъ изъ родныхъ и знакомыхъ, особливо же дъти, желажи въ это времи какъ можно чаще постщать старушку съ им внучками; тімъ болье, что опт чрезвычайно ласково всъхъ принциали. И поэтому, вся эта педіля въ часы катаяья, была заната угощеніемь, для вашихь коляекь, которыя придерживались еще старяннаго русскаго дібосольства. Хотя не очень много было у шахь родныхь и завкомыхь, но всё они, пользумсь добродушівмь старушки, приводили съ собою, кроміз своихь дітей, множество и другихь постороннихь, а тіз еще своихь знакомыхь малютокь, оть чего выходило, что зала и гостаная, бывшіл окпани на площадь, наполнялись каждый день большими и маленькими посітителями и угощеніе пачиналось съ одинвадцати часовь утра и продолжалось до сумерень. — Когда площадь начинала пустіть, тогда и гости разъбажились по домань.

А между темъ, сколько было длонотъ угощоть всъль заптракомъ, забетиться, чтобы подавали горячіе блины, по неплятилому обычаю маслапоцы; а ужъ какихъ только тутъ не было блиновъ?—и запопълные гречневые, красные, крупичатые, манные, картофельные, один съ якчками, съ лучкомъ, съ селедочкой, другіе съ вареньяни и съ сабайономъ и проч. и проч. и проч.; кроит того: сыръ, наюсняя и свъжни икра, сардинки, вареники, сырцички, пельмени и другія разныя разности не переводились со стола въ столовой. Молодой народъ съ свъжним желудками котъль кушать, и все это исчезало тотчись, какъ будто и подано не было. Такимъ обравовът какъ будто и подано не было. Такимъ обравовът какъ Александра Семеновиа, такъ и внучки ек

вечеромъ уже принимались за свои обыкновенныя запятія: бабущья читала Срященныя вкиги, а дівочья твердили свои уроки, повторяли музыкальныя нівсы, занимались рукодалівнь. Разумается привыкнувъ въ настоящему дълу, такой безпрестанный събидъ, отиниая у няхъ времи, скоро наснучалъ не только бабушкв, но и внучкамъ. Смотръть на илощадь давно уже имъ падобло, в падобно было запинаться этими пустаками, и показыван каз окна маленькимъ гостичъ горы и качели, отвичать ка безчисленные попросы объ одномъ в томъ же предметь, и самое пріятное было для нихъ, когда могли, остава гостей, подойти из бабущай, сидившей съ почтенными дамами. Однако, потому какъ псе пустое, неямфющее инкакой подьам, но можеть долго казатся запимательнымъ, то вскорф и всемъ пригирувлась эта беземыслевива цестрота; почти инкто уже не подходиль къ окну; авти, собраниыя витеть, принвансь за разныя игры: въ фанты, жмурки, веревочку и тому подобное. Старине, привхавщіе съ инии, которымъ разумается еще болав надокав этоть уличный праздинки, очень были этимъ довольны и уже поговарявали, что казалось бы пелно, что завтра не прівдуть больше белцоконть милыть хознект, но остапутся по домамъ своимъ. Разумћется, что и наша бабушка са виучвами очень быля тому рады.

Но какъ именно отъ пепостоянства человъческихъ желаній, случаются почти всегда такъ, что правител нанъ горалдо болью то, чего мы лишаемся, нежели то что имьемъ или что не скоро памъ удается, обыкновенно имъетъ сильную приманку; потому и вышло, что ижкоторые изъ гостей, особляво мальчики, позстали противъ такого ръшенія и вдругъ вськъ захотвлось снова разсматривать вътряную мельницу; многіе кинулись къ обнамъ, хотя площадь давно уже опустьла, и ръшительно ничего по было пидно.

- Отчего это такъ скоро сдълалось темно? вскрикнули многіе; у ибкоторыхъ даже и слезы были слышны нъ голосії.
- Зачемъ же не слотрели вы на удину, когда было светло, друзья мон, а вадумали теперь? спросила Александра Семеновна.

Инсто не зналь, что отактить.

- Что же вы инчего не голорите? повторила она вопросъ свой.
- Мы не сиотръди оттого... оттого... милая бабушка! началь одинь постарше; что... тогда не хотълось... в какъ сказали, что ужъ больше не принедуть насъ сюда, то и жалко стало!
- Да, да, очень жалко! намъ бы хотълось еще восмотрыть, подтвердило множество голосовъ.
 - Однако вы полля весе теле не полтолили ил

овну, мои душеньки, и очень весело пгради въ жиурки, сказала Маша.

- Да, отвъчалъ Мата; это вменно отъ того, что въ жиурки мы давно не вграли и это полазалось навъ чтит то повещькихъ.
- Мы вст любить повеньное! подхватило опять иножество голосовъ: игрушки повенькій и книжки новенькій!
- А старенькаго не любите?
 - Итть, бабушка, старенькое надобдаеть.
- Спасибо, друзья мои! етало быть и бабушка старенькая вамъ налобла?
- О, изтъ! закрачали вст, им насъ любимъ такъ любимъ, что даже и не дунасиъ, что вы стареньків.
- Вотъ видите, поэтому и старенькое дюбить можно?
- Конечно, милая бабушка, только не игрушки и не другіє подарки.
 - А что же?
- Какъ бы ванъ растолковать? Напримъръ... иниющая у насъ очень старенький однако мы ее любимъ и не хотимъ другой, новенькой, сказалъ Васи, очень бойкій мальчикъ.
 - Отчего же?
- Оттого, что и она нясъ очень любитъ; какъ же можемъ жы не любить ее?

- Справедливо, другь мой, такъ и должно быть; пялющки касъ любить, заботится объ васъ; оттого и пы, какъ добрыл дъти, платите ей тъпъ же; и колечно это совсъпъ другое чувство; по я дочу знать, отчего игрушки и другіе подарки праватся паль только вовенькіе?
- Этого я уже не умбю вамъ растолковать, милая бабушка; вбрие отъ того, что игрушки новенькій, такія какихъ прежде мы по надали.
- А когда увидѣли и оиѣ вамъ поправились, отчето же ны не занялись ими хорошенько?
- Вотъ этого то вы и не умъемъ: обрадуенся когда подарять, а потомъ скоро и бросимъ.
- Это происходить, друзьи мой, оть того, что вы не обращиете пинианія на подаренную вещь, а только смотрите на нее поверхноство, и потому она двилается для вась безполезною, а нео то, что безполезно, непремінно, искорів паскучить.
- Да, инлая бабушка, но какъ же смотръть вааче на игрушке и другіе подпрка?
- А вотъ какъ, друзья мон; напримъръ, когда подарять вамъ, положимъ, даже самую ничтожную вещь, какую нибудь куклу; то и при этомъ, если бы, понгравъ ею, подумали вы сколько трудовъ стоиза эта кукла тому кто ее сдълалъ, самиъ ваъ траночекъ, или выръзалъ изъ дерева, расприсилъ, одъль въ нарядяюе платье, и при томъ, подумали

бы также и и томъ, сколько делеть и заботы, чтобы отыскать ее и угодить вамъ, стоида она тому, кто подариль ее; то не бросили бы се тотчасъ какъ ненужную вещь; в старались бы разсмотръть торошенько, изъ чего она сдълана, какъ сшито нарядное ен илатье, илянка или другой костюмъ, сколько было трудовъ за этяни бездълицами? Исе это занило бы васъ такъ, что очень долго не захотъли бы оставить спою куклу, и она утъщала бы васъ непремилно, потому что одна забява съ пользою можетъ быть настоящей забаною. Не правда ли, друзья мон?

- Да, жилан бабушка!
- Представьте же себъ, если кумла можеть такъ занять, то другіе подарки и еще болье, напримірь, рабочіе ящички, кийжки; иъ ящичкахъ много есть о чемъ подумать, если, разобравъ пещицы, етараться употреблять ихъ на то, для чего онъ сдъланы; наприміръ, ноженками выразывать картинки какъ можно лучие; птолками съ наперсткомъ по-пробовать жить что пибудь, сначала дурко и неловко, а потомъ что дальше, то будеть лучше и ловчее для васъ, и тогда пъ одномъ кикчкъ найзете вы столько пользы, что окъ послужить для васъ совершевнымъ утішеніемъ.;

Кипина же и еще гораздо болье: въ нахъ не одав картинки, или только сверху красиный ве-

решлеть, по в написанное внутри запило бы вась непремённо, если бы, получинь такой подарокь, старались бы вы просмотрёть картинки, не такъ только, чтобы перебравь листы, дойти до последней и бросить кинжку, какъ многіе изъ вась деляють, а, напротивъ, старались бы разсматривать ихъ со нинчанісять, и желая узнать значеніе каждой картинки, принялись бы читать написанное въкнижке, что, развивая ваше попятіє болёе и болёе, вось бы запимало, и повторю еще, что занимало бы вась то было бы вамъ полезно, и тогда непремённо служило бы вамъ долгое время истинной забаною.

- Одиниъ словомъ, все то, что безнолезно, не кожетъ долго забявлять насъ; подобно тому, какъ тенерь надотло вамъ смотртть на неструю масланицу; не такъ за, друзья мон?
- Точно такъ, милая бабушка; спачала им на могли дождаться по утру, ногда повезуть насъ къ вамъ, чтобы смотръть на горы и на качели; а теперь ужъ не хочется.
- Дя, Инсолинька говорить правду, подхватили другіе; если бы не вы, милая бабушка, которую иза такъ любимъ и не сестрицы Маша и Лила, которыя такъ ласковы, то конечно им бы стали просить, чтобы насъ оставили дома.
 - Вст ли вы такъ думаете?

- Већ! већ! Маслиница точно уже намъ налоћја.
- Въ разсуждени масляницы и еще скажу памъ, что туть можетъ быть и другая еще причния, именно, что все то, что не на мъстъ, и не но время, хотя белеолиательно, но производитъ въ душъ неприятное чувство.
- Какъ это, милая бабушка, въдь теперь и есть масляница; въ доказательство того служатъ и блины, которые кушаемъ мы у насъ и дома; стало быть, это уже и есть настоящая маслиница?
- Настоящей масляницы изть, другья мов, и быть не можеть, потому что это взято изъ древликь обычаевь когда люди, не зная истипнаго Бога, поклопались идоламъ, или дереваннымъ болванамъ; изкоторые утверждають, что у славанъ, нашихъ предколь, были, во множествъ другихъ идоловъ, и такіе, изъ ноторыхъ одинъ назывался Качула, а другой Камула и что въ честь отихъ ложныхъ боговъ, качались из чемъ нибудь и натались съ горъ непросвъщенные люди.

Когда же, принявъ истиниую Въру, отвергли сланаве такіс глупые обычан, то они вкрались къ панъ, подъ видомъ невинцыхъ увеселеній, и праздные люди, отъ скуки бездъйствія, предвансь пустынъ удовольствіннъ, не хотёли посвятить и касколько педёль для занятія настопщинъ дёлонъ, то есть

исправления своихъ педостатьовъ; для чего, васъ удобивниее нь тому премя, и назначень Христіанскою Церковію Великій Пость, въ поспоминаціє того. что для освобождения нашего отъ въчной смерти Самъ Спаситель, передъ Своимъ страданіемъ и раснатіемъ на кресті, постался сорокъ дней. Для того то, ямендо, Святые Отцы Церкви дазначили и намъ поститься это время, то есть не только воздерживаться отъ вздещества въ иница; но и отъ всябихъ излишествъ, потому что не возможно сътовать о гръвакъ и имфетф предапаться удовольствію; неблагодарные же люди, не входа въ настоящій спысль, вийсто того, чтобы воспользоваться столь благамъ для прувповельномъ, пашли и это сорокадиевное воздержаніе слишкомъ великимъ и имфото приготовленія къ нему, стали предаваться всерозножнымъ веселостямь, изъ которыхъ и составилась эта беземыелениал масляница, и многіе въ эту недізлю желають навеселиться на весь Великій Пость! Это совервенно тоже, какъ изкоторые простые люди объздаится въ заговънье, думан насытиться на все постнов премя. Не чрезмарко да это глудо? Да къ тому же это и вредио, потому что отъ такого невоздержавии многіе впадають въ жестокую бользиь; это очень дурно. Конечно маслиница съ своими веселостами есть начто вное вакъ обычай, простой обычай, людьми, а воисе не религіозимин законами установ-

денный, и исть сомисия, что предно для теля в души употреблять по эло это время псеобщей веселости и беззаботных удовольствій, то есть делать развым излишества, свойственный только грубымъ и непросвещенным историм натурамь; но песелиться свромно, какъ макримеръ, вы веселитесь, истъ ничего предосудительнаго, и эта песелость на мяло не истаеть какъ творить добро и быть угодиыми Богу хорошами делами, которыя всегда и по всякую пору года могуть и должны быть сопершаемы — Послущайте, дружки мои, что в памъ теперь разскажу на счеть масланицы въ перкопно-духовномъ отношения.

По настоящему это неджая называется масонустною и сырною; отъ того, что на отсутствій масной пищи, вапрещенней Церковію, разряшено питаться сыромъ, яйцами и молоколъ; именно для того, чтобы переходъ отъ скорожной инщи къ великопосткому воздержанію, сджлать легче для желудка: такъ исстра старается Св. Церковь облегчить пеобходиные для насъ подвиги; по мы сячи, неръдко, къ сожальнію, противнсь ся нопельніямъ, прибавляемъ себъ тагости.

11 такъ, мон друзьи, потому что масланица вамъ наскучила, вы сегодил у насъ, посабдий день?

— О! исть, мялая бабушка, къ вамъ мы всегда
 Иецова.

готовы и желаемъ пріфхать! восклюкиуло ивсколько голосовъ.

— Благодарю васъ, друзья мон, и за такую люболь ко инт: и монить виучкамъ, желаю ванъ доказать тоже и съ нашей стороны, и повеселить вась, но голько ие завтра, отъ того, что это будеть патища и всегда велекій день; а въ эту неділю в вще она паживе, что разскажу вамъ, когда нибудь посль. И такъ въ вытпину останенси мы реж по домамъ своимъ, а въ субботу, какъ вы еще діти, то и можно будеть навеселить вась немного, п потому объявляю вамъ выдумку Маши и Лизы, совершенно одобренную мною; она состоить въ тожъ, что нь заключение маслиницы дотимъ мы сдълать катавье на саняхъ; ист ваши родители и старшів родственивки из то согласны и посла зантра въ десять часовъ приверуть васъ къ намъ; здъсь уже будуть ожидать васъ изсколько сацей и вы всв, мон душеньки, повлете кататься за городъ на мою дачу: тамъ увидите разныя жилыя картины, запомиите ихъ хорошенько и позвратись, разскажите жив. Правится ли вамъ это предложение и хотите ли вы нататься?

- Очень котимъ! жилоа бабушка, и постараемся разсказать намъ что увидимъ.
- Хорошо, друзья мов! и такъ, въ субботу, въ одиназцитомъ часу, мы васъ ожидаемъ.

Мжно представить, что при таковъ предложения.

восторгь дітей достигь высшихь разміровь; всь принались сванать и прыгать, такъ что меньшихъ василу услокопли, чтобы надінать на няхъ шапочки и шубки. Наконець всіхъ разпезли по домамъ и многій изъ дітей, даже почью просыпансь, думали что такое они увидить, что это будуть за нартины?

Воть наступиль пазначенный день; ист дати собразись нь бабушав, и тамъ момветись из ивсокольких сапахъ, исею патагою, инфхали изъ вероть ся дома; одна сапи следовали за другими; въ каждыхъ было во три и по четыре малень-кихъ съдоковъ, въ сопровождении одного старшаго.

Паримя свин, въ которыхъ были Маша и Лиза, ъхали писреди встхъ; бабущиниъ съдобородый кучеръ долженъ былъ повазывать дорогу прочивъ.

Разноциатныя шубки, шакочки, шланки, оуражки, пріятно пестрали въ глазавъ.

Переднія сана поверяўли и поёхаля кругомъ балагановъ; прочія длянной перепинею, послёдовали за вими очень тихо. Къ тому же, какъ это было еще рано, аъ началё днёнадцатаго часа, то на сорахъ не было еще другихъ линій каретъ, и очи свободно объёхали кругомъ, и возпратилнеь къ дому бабушки, которая смотрёла въ окно; туть пріостановась кемного, веё сидёвшіе въ саняхъ мальчики свимали фуражки и клапались; а дёвочки посылали ручкою поцёлуй доброй старушкъ. П такъ шагомъ

пробажая явмо ем оква, выбувая они на площадь, повернули подъ врау в пустились вдоль улицъ, долольно уже скоро, доголяя переднія санв.

Весело было имъ касаться, несело было и смотрѣть на нахъ! Пробхань довольно большую часть Цетер-бурга, выбрались за тріумфальный порота и отправились по Петергофскому шоссе; дача Александры Семеновны была на третьей версть; это разстояніе проскакать не долго; она подъёхали къ большому дереванному дому, который но причинѣ короткаго еще дии, быль уже освёщень весь, внутри и снаружи. Сана за санами тахо подъёжали нь крыльну, украшенному разновятьными фонарами.

Вст вошли въ большую залу; Маша и Лиза, какъ настолиси хозайси, правились подчисать гостей часиь, что очень препрасными сливками отъ дачныхъ коровокъ поданы разнаго рода превкусныя масланичныя печены: пышки, ватрушки, крендельки, бисканты и прочіл пекарныя произведенія Иде и Вебера, первыхъ петербургскихъ булочивковъ. Все это однання картины и они проворно колтили сной завтракъ. Тогда поведи ихъ въ другую большую комату, гдъ были поставлены стулья радами, на которыхъ и пом'єстились всѣ, лицемъ къ овущенной завявъскѣ. — Раздалея свистокъ, и заповъска под-

нилась. Зрители увидали большую золотую раму, и внутри ся живую картину.

RAPTURA 1.

Хорошенькая діночка, съ откинутымъ на голові побрываломъ, столла посредний поля, окруженнаго сиреневыми и розовыми кустами пъ полиомъ цейту, Лино милой дівочки было пемного наклонено винаъ п глаза опущены въ землю; въ одной руків держала она полотой візнець, в въ другой разогнутый синтокъ бумаги, на которомъ крушнами буквами было написано; «я предстанляю Слиреніе. Счастливъ тотъ, кто будеть подражать миз: онъ заслужить приготовленный мною золотой пінець!»

Когла одинъ нав арителей громко прочелъ эти елова, авятся опустилась; проиграли симфонію на фортепьяно и явилась новая картина.

KAPTREA II.

На ней представлень быль цілья городь рискращенных домовь, еділанных в так пенусено, что окна и люри могло отворяться. На улиці столло иксколько бідно одітых влюдей. Музыка заперала, картина оживилась, біданки, все древніе старички и старушко, слівные, пімые, безрукіе в пр., подкода єт домамъ, просили милостыни, и тогда, маъ многихъ оконь выглинувъ мальчики и дівочки, бросали имъ по пъскольку денеть; иные же выходили изъ дверей и ласково разговаривали съ старичвами и старушками и вообще со всъми этими людьми пъ рубищахъ, которые не визли возможности себи проинтыпать.—Иъ другихъ же домахъ, окна, на-иротинъ, затворялись и сердитым дъти махали рукою на несчастныхъ, приказывая имъ отойти прочь.—Такипъ образомъ первые, возбудивъ всеобщее одобрение и похвалу, а другие негодопание, скрылись отъ зрителей за опущенною занавъской.

Опять свистокъ, и лъги увильли третью картвиу:

KAPTEMA III.

Эта была какъ бы разгорожена пополамъ; въ одной сторонъ представлена ввутренность крестьянской озбы, съ большою русскою нечью; кругомъ стъпъ сдъланы леревлиныя лавки; въ передкемъ углу, на скамъъ, лежитъ болькая женщина, какъ видно наъ ся блъднаго лица; подат вен свдитъ дъвочка, хорошо одътая, въ голубомъ платъннъ и подаетъ ей на ложкъ лекарство. — Мулыка одушевала картину; дъючка встаетъ, убираетъ люжку, поправляетъ подушки, прикрыняетъ больную одъвлючь, ласково прощается съ нею и уходитъ; женщина, поднижая глаза въ небу, молится на свою благодътельцицу.

BAPTERA IV.

Во второмъ отделенія на четвертой картина представленъ темный подвадъ; ночивкъ тускло горить посредянь, нь углу, на полу постлано нъсколько соломы и на ней спдитъ заключевный пъ тюрьмів съ желітаными колодками на погахъ; а подлів него съ одной стороны старачекъ, а съ другой мальчявь, оба хорошо одтые; мальчявь держить въ рукахъ разогнутую книгу. Музыка заиграда, мальчикъ сложилъ виигу и бережно обернулъ ес бъдынъ изатномъ. Колодинкъ со следами сталъ благодарить старичка, что позволяеть сыну своему вавъщать его и читать сму Св. Еванголіс-эту внигу жизни, которая облегчаеть всякое страданіе, утвшая несчастнаго грашинка надеждою на милосердіе Отна его Пебеснаго! Старикъ и мальчинъ оба встають; они подають колодинку былый хатбъ, лисково врощаются съ инмъ, объщаясь придти опять и ухоавть. Занавает опускается.

RAPTERS V.

Пятая нартипа представляеть открытое поле, въ средянть котораго, прислопись къ больному камню, полулежить одътый въ рубище человъкъ; моги его протяпуты, онъ весь нажется въ плисможения, глаза полуловраты; музыка слышна за кулисама. Картива оживаеть: старивь пробусть встать, но по можеть и говорить: «в очень ослабыть, в умираю съ голоду... вто подасть мий кусочевь ульба? « Въ эту минуту воказываются вдали двое дътей; они приближаются въ старику; мальчикъ несеть большую деренянкую чашку, дъвочка ульбъ и кружку съ водею. — «Мы теба накорния», добрый человькъ! говорять дъти, подойля въ нему; воть гориче ши, ульбъ и кружка съ домашимъ квасомъ, да поль каражая ульба. « Старикъ перекрестился, подилиъ глаза къ небу, и съ большимъ удовольствемъ началъ всть вкусные щи.

Запъса опустилась. Когда же подиллась слова, то эрители упидъли шестую картину.

EAPTREA VI.

Въ ней была представлена полуразвалившаяся хижина; екволь отпоренную дверь видно изсколько ребятишесь, сидишихь въ кучкт на полу, прижималсь одняъ къ другому.

Музыка заиграла; общим эти дети начали илакать и говорили: «охь! какъ холодно! истъ у насъ тепленькаго платьица!» и вдругъ закричали: «Вотъ оне идутъ! идутъ!» — и съ этимъ словомъ повыскакали изъ хижины, босикомъ и въ оборванныхъ кафтанишкахъ. Къ нимъ подошли дет девочки въ сопровождения старушки ники, которан несла большой узелъ и, тутъ же положивъ его на камень, прилля развизывать; а дівочки, вынимая нат него шубки, надівали на жалкяхъ ребятишень и ті, нереставь илакать, твердиля: ахъ, какъ хорошо и тенло! и кланялись милымъ дівочкимъ.

Завъса опустилась.

BAPTERA VII.

Въ седьной картинъ быль представленъ лъсъ, поврытый внесив; между деревьями видна дорога, продоженияя сладомъ саней, по глубовому свату. Вдоль этого, една обозначеннаго пути идетъ какой то странящих, съ посохомъ въ рукв и съ котомкою аа илечачи. Вдали видвиъ домъ, съ краскою крышкой. Картина ожинаетъ: изъ за дереньевъ инобрають два мальчика и дівочка; первые беруть страпиныя подъ руки, а дівочка идеть висреди, попанярая на домъ. — Дъти ласково горорятъ: — Holiдемь съ нами, добрый человияъ! ты усталь, озлов; вонь тамъ живетъ нашъ папенька; им приосдемъ тебл къ пему, опъ очень добрый! у нясъ ты отдоупень, тебя накормять горячими щами, наполтъ часять и ты можешь остаться у насъ сколько заточень: напенька любить угощать странивонь.---Опи вев четверо ущив по направлению яв дому.-Завтев опустылась.

HAPTERA VIII.

Раздалась торжественная симоннія и когда она воичалась, то явилось привлекательное арталице.

Вев упильти великольный сады вездь перты в деревыя съ плодами; исе это было сладано изъ но; врекрасныя маленькій птички сиділи на віткахъ и множество дътей, мальчиковъ и дъвочекъ, съ золотыми ранцами на головахъ, въ розовыхъ и бълыхъ илатыккъ, покрытыкъ блестками съ золотой -ровы, ви илжит стоили, другіе силжин за лавочкахъ въ этомъ чудничь саду, Громбая музыка заиграда. Қартина оживиласы, итички пачали шеве-Антьен, двти подходиля другь въ другу, ифивась гиринизми блестащихъ цвътовъ; влатьяца ихъ казались поэдушными, какъ бы сотваниями изъ лучей какого шоўдь святила; лица аль блистали радостію; пядню было, что они совершенно счастэпны! — Надъ картиною была надинсь, крунными волотычи словачи: «Эти милыя даги пенолиции по-«вельнія своего недикаго закона, получили долотые «В'ящы въ паграду за свое смирение в терерь на-«слаждаются райскимъ блаженствомъ»!

Такого рода была эта восьмая и последиял картина; зрители пошли за столь, много было разговоровь во время обеда; много вопросовь на счеть представлениемъ картинъ; но Маша и Лиза отвечали всемъ, что бабушка будеть сама толковать ихъ завчение.

По окончанія объда, всь сизываля състь въ сани,

чтобы скорве воротаться домой. И такъ наши катающием пустались тою же дорогою, аъ обратвый путь.

Скоро вся веселая ватага собрадась въ комнатахъ милой бабушки; вся дъти приловали са ручки и усердно благодарили за удовольствіе имъ доставленное. Самыхъ маленькихъ гостей развезли по домамъ; но старшіе, отъ 9 до 14 лътъ, просились остаться на вечеръ у милой бабушки, которая сама очень ласково ихъ приглашала.

Подали печерній чий; нев молоденькіе гости собрадись вокругь большиго круглиго стола, у дивана, гда обывнененно сидала добрая стирушка. Вся дати вообще очень любили разговаривать съ исю, не счотря на то, что она някогда не запимала ихъ пустяками.

- Теперь, кажется, пы ужо напеселялись, друзьи мов? сказала она.
 - Да, милал бабушка, точно навеселились!
- Хотите ля, поговорямъ о чемъ вибудь вод вланъе?
- О! хотимъ! хотимъ; вы всегда такъ хорошо разсказываете.
- Очень рада, что праватся намъ мон разговоры; но только прежде исполните и вы свое объщаще, разскажите чит, что видъли на дачк?

Туть каждый справиль исполнить желаніе бабуш-

ки и объяснить, что видель и ээктиль, въ каждой сарсией.

- Хорошо, друзья мон! теперь какъ будго и и сама была съ вами на дачъ и разекатку камъ, почему именко такого рода картины придумали Маша и Анга; вменно для того, что теперь такое настуцило время, косда надобно, отложивъ пустым увеселенія, запиматься важными событіями жизви.
- Кавъ это, милая бабущка? да въдъ теперь еще масляница, когда исъ гуляютъ и весслятся? Въдъ еще не пришелъ Великій Постъ?
- болечно, онъ еще не наступилъ, во приготовлено нъ нему, не церковнымъ правиламъ, пачалось уже почти три недъли тому назадъ.
 - Вотъ этого мы викогда не слыхали.
- Не мудрево пачь не слихать, когда, правду сказать, и многіе большіе атого не знають. Вирочемь, повторяю, мириам и спокойнам веселость не противна Господу, а нехороша веселость, сопровождаемая дурными поступками и неспойственною добродательному человаку страстью къ налишествамъ и невоздержностямъ разнаго рода. Оговарнаю это нарочно, чтобъ вы не думали, что ваша бабушка, сама весели васъ, кочеть уварить, что веселье грахъ. Это было бы, просто, грашно съ моей стероны; однако погопоримъ теперь о поста, который завтра пачнется.

- Разскажите же намъ, милая бабушка: это что-то повенькое в вкрио горалдо лучше псакихъ новыхъ подарковъ. Не тавъ лв?
- Совершенно такъ, друзья мон! одно въ сравненіи съ другимъ, какъ темная кочь в сиктлый день!
 Н такъ, отложимъ теперь забавы и поговоримъ о настоящемъ дълъ, котораго вы уже видъли предисловіе.
 - Гат это, милая бабумка?
 - Въ картанахъ, ман душеньси.
- Неужля? ауъ, какъ хорошя быль эти картивы! объясните ихъ напъ поскорће.
- Съ удовольствісять, друшля мон! и тогда вы сами согласитесь какт важны дви такт называвляй нами маслящицы; эта неділя есть уже какт бы преддверіе Великаго Поста; приготовленію же кт нему начинается еще прежде за дві неділи до масляницы. Церковію положено, чтобы за семьдесять двей до Світлаго Воскресенья, начинать Постицю трігодь.
 - Что это такое, милая бабушка?
- Такъ называется кинга, друзья мон, къ которой изложено Богослуженіе на эти приготовительями недъли къ пеликому посту. Обывновенно начало Великопостной Тріоди, бываетъ около 11 явваря ■ 15 февраля; суля по тому, ранийй или полдий будетъ праздвикъ.

Семьлесать двей, оть начала тріоли, до Сватлаго Посврессова, озвачають семидесатильний ильна вашиловскій, въ Встхомъ Заветь — Какъ тамъ изравльтане были побъждевы Навуходоносоромъ и отведены ильнинками въ Навиловъ, такъ ны порабощены гръхами; какъ ть желали освободиться наъ ильна, такъ и мы еще болью должны желать освобождения отъ гръховъ, къ чему Великій Постъ и представляеть намъ всё способы.

Неділя присотовительных къ Великому Посту называются: перпан—Мынкаря и Фарисел; вторан Влудного сына; третья сырнан, или мясопустнан, наша масланица; чотнертан—сыропустнан.

- Отчего же ихъ такъ позволи, милап бабущка?
- Отгога, друзья мон, что въ недълю, то есть въ поскрессиве, при началъ первой седьинцы, когда начинается Великоностная Тріодь, положено на Литургія Евангеліс, отъ Луки, 18 глава стихъ 10 в 14, о Мытаръ и Фарисеъ. Этихъ Церковь внушаеть нахъ, что для оправданів передъ Богомъ, нахъ необходимо съ витиними дълами закона, соединять внутроннее смиреніс.
 - Ахъ! это первая картина, которую мы видъли?
- Точно такъ: смареніе приготовляєть насъ ко всему хорошему в необходимо, при вступленія въ Великій Пость, который установлень для покавнія в всправленія нашего.

- Но почему же Мытарь и Фарисей представдають смиреніе?
- Какъ же, друзья мов? и думаю, мвогіе наъ васъ знають ту Евангельскую притчу, что два чедопіна вошли пъ церковь помолиться, одикъ фарисей, а другой Мытарь; оба приман съ хорошимъ дажфреність; по только Фарисей, ставъ на молитву, началь благодарить Бога за то, что онъ не такъ, какъ прочіе человіки, дурные в парочные; по что онь лучые ихъ, потому что постится два раза иъ педбије, что отдаетъ деситује долю со веого, что приобратаеть, из перкопь, и такимъ образомъ, возгордись своими далами, быль очень доволень собою, увичижал всіхъ прочихъ. - Мытарь же въ смиревін, чувствул сколь мало сділаль онь для Поги и для дуви своей, не осмълнился даже и глазъ возвести на небо, а только, стои въ отдаления, ударяя себя въ грудь, товорилъ: « Боже! излостивъ буди миъ грашинку -!

Что же вышло?—Босъ, видащій ваутреннее побужденіе, что Фарисей ве изъ усердів нь неполненію закона дълать свои приношенія въ перковь и постился два раза въ педълю, в ваъ одного саможвальства и гордости, осудиль его, какъ недостойнаго Своей иплости. Мытарь же, который, чувствуя свое недостоинство, смиренно просиль помалованія, быль оправкань Всевидящимъ Госнодомъ! Эта притча учить пасъ, какъ должно сипряться тъ думи своей и, не осуждав другихъ, спотрать за своими проступками.

Иотому-то, въ первой картинъ и было представлено смиреніе, какъ необходимаю добродітель для тіхъ, которые желають исираюнться и еділаться лучшими.

Недъла Мытари и Фарисса ссть сплошила, для постепеннаго приготовления въ насту. Разръщение же поста на этой педъть есть также обличение недостойнаго поста Фариссева *j.

Вторая приготовительная ведёли: О Блудномъ сыит. —Эту спантельскую притчу также вы знасте.

- Не всъ, милая бабушка.
- Изпольте, и разскажу намъ. Она состоить вътомъ, что у одного человіжа было два сына; меньшой просиль отца, чтобы тогъ отділиль ему слідующую для него часть имінія; отець исполивли его просьбу; тогда онъ, ванны евою часть, удалился оть отца въ другую страну, и тамъ, предавшись порокамъ, промоталь свое имініе до того, что уже пришлось сму уширать отъ голода; тогда пришель онь къ одному человіку и наналея пасти свиней, чтобы иміть кабую пябудь пищу, но и туть пякто не дакаль

ему, даже и рожневъ или жолудей, которыми питались свины. Будучи нь такой крайности, опоминдси онь наволенть и сталь думать, какъ дурно постуналь прежде; расканвансь нь этомъ, думаль онъ, какое наобыле въ хатоахъ имфють, даже и работниви отца моего, а и умираю адъсь отъ голода.

При этоми, связаль опи самь себы пойду къ отцу моему и сважу ему: «Родитель мой! согращиль и предъ Богомъ и предъ тобою, и уже недостопиъ называться теоруь сыкомы, слызай меня хоти наемиикомъ своимъ. « Съ этимъ вамфреніемъ пошелъ опъ яз отну своему, который, све вздали приместить приближение его, ношель из нему на встрасу, и такъ миль показалея ему его блудинай сынъ своимъ чистисердечныть развавајемъ, что овъ абиллъ его и вельнь служителямь принести для него лучшую одежду, савоги на поги его и перстень на руку и потомъ неліяль ваять изъ стадъ свояхъ лучитаго, упитанивго теленка, приготовить объдъ и началъ съ домашимии своими праздиовать и веселиться, говоря: «Радуйтесь нев со яною! потому что этоть сынъ мой быль мертвъ и ожиль, пограв было совершенио для меня и теперь нашелся снова. «

Эта притча учить насъ тому, чтобъ ил не отчаявались никогда въ милосердія. Отца наши, если беснаго, что Онъ простить вет грахи наши, если увидеть истинное расканніе, съ твордаму намаре-Явнова.

Вогослуженів Празославной Церкан, протої грев Дебольскаго.
 612 стр.

нісять псиравиться. Треть в приготокительная педфав, называемая сырною и мисопустиною, а по просту маслявисй, посавщена посноминацію стращнаго суда Господни; для того въ воспрессиье этой недфан—«Церковь, вразумляя нянь литургійнымъ свац-«теліся» о будущемъ всербщемъ в стращномъ сужді живнахъ и мертвыхъ (Матв. ХХУ, 31 — 46), «внущаєть, что пикто наъ пасъ не долженъ чрезикрно «падкяться на велякое милосердіе Божіе; потому— что милосердый Господь, есть вичеть и праведный «Судіп, пичнощій поздать паждому но літамъ».

«Въ седьинцу сырную пли масляную, по яденю «во премя ся сырной плици, ради приготовления къ «посту, Церковь внушаеть, что эта седчица есть куже преддосрів поста и покаянія. Посему, въ евту сединцу Церковь не сочетиваеть браковъ, «въ среду в пятяяцу ся не совершаетъ литургія, «а часы, и съ кольнопреклопениемъ произносить «нолитву: Госполя я Владыко живота моего, я • проч. Въ среду, для примъра и поощренів шест-«вующихъ къ цосту, прославляеть ветхозявътныхъ «святых», пребывающих» въ поделгахъ поста; въ «патавцу воспожниветь врествыя страдавія Спаси-«теля, а въ субботу творить память вскув св. upe-«подобных» в богоносных» мужей в жен», про-«сінвших» богоугодным» пощеніся». Въ воскресный и и последній день седьмицы, Церковь приводить намъ «на панять изинаніе прародителей изо Рая за инепослушаніе, представляя въ утрать пин неввинаго блаженнаго своего состоянія побужденіе «бъ посту, молитві в покаянію. Соглясно съ сло-«вани Евангелів, читаемаго из этоть — послідній «день предъ Великинъ Постомъ, вкушающаго про-«мать ближнинъ согрішенія и примераться со всі-«ян, чада прав. Церкия въ послідній день сырной «педіли, по дрепнему, благочестивому помічаю, въ «знакъ примиренія и прощенія, молятся объ умер-«михъ, посіщая кладонща, в пляняно прощаются». ")

— Видите, другья мов, какому вижному восноминавію, посвищена эта неділя, пильпаеман у касъ жасляницей, которую по настопщему должно проводять, не только по въ безумномъ веселів, а напротивъ, въ наматовавів того, что она есть преддверіе великаго поканнія и приготовленія себя какъ бы къ страшному суду Господию!—Потому разсудите сами, у міста ли эти сустным упеселенія?— А что не на мість, то непремінно служить ко вреду в должно быть отвергнуто благомыслицими людьми.

Простой народъ, по певъдънію, предлется масляничному колобродству, думна павеселиться на весь

^{*)} Богослужение прав. церкви. - Дебольскаго стр. 127.

Великій Пость; разумбется, что это происходить оть грубаго повъжества.

Однако опи, по крайней мъръ, исполняють повельне нашей Церкви, не блать мяса въ эту недълю; хоти не менъе того, объбдаются блинами и, что еще хуже, онаваются виномъ! Жалкое познаще на счеть закона. Но имъ скоръе простится нежели намъ, запошимъ — и не неполнающимъ! — Самъ Сивситель сказалъ: «Ему же дано будеть эного, много навищется отъ шего» в проч. (Лука гл. XII ст. 48).

Перцовь, кожь извиан матеры, желая смягчить по возможниети строгаеть наступаниваго поста по паругъ обрежаетъ насъ на вощение, а почадельку: отнавъ прежде мясо, оставляеть сыръ, лим и молоко, чтобы исполоволь приготепить желудокъ къ веляковостному воздержанию, которос вирочень вонее не состовть нь тонь, чтобь навурять себя голодовъ или укотреблять иниу, явпо противную слабымы желудкамы, а нь томы, чтобы отважирать себъ въ излишествахъ и особенныхъ савстяхъ, въ роскошествахъ в пр., а то, пожалуй, я знавала одного русскаго нашего куппа, поснащаго дленную бороду, по обычаю предвоив, который, владъя мизлюкимиъ состояніемъ, разлаваль, изъ тщеславія, толовив вищихъ грошани значательный сумны, по вогда ръчь шла о секретной номощи истии-

по достойному помощи семейству честнаго купца, имъ же, этичъ милліонеромъ, разпоренняго, то опъ, отворачиваясь я поплаживая свою сёдую козланую бороду, голориять: «Мало ли бъдинахъ семействъ! Вебать не напомогаемъ. «—Онъ же— этотъ холодинай себилюбець, однако, строго соблюдадь восты в горди хвалился въ городъ своимъ постивуъ столомъ, и какою шибудь развостного огренцого рыбою из ето руб, сереброять. Судите же сами, друзья мон, что мы дълженъ? не совершение за вовреки поступаемъ такому именно материнеском поцечение объ васъ Св. Церкви? не только не старансь свыкаться съ мыелію о покалнін, а еще, папротинь, отдаляв ее отъ себа, предаемся всепозможнымы дурачествамы, вменно въ ту несьмо, которан набрана для приготопленій кіз сокрушенію и расканнію віз суклиних визми неправдахъ и ослушанія передъ Богомъ! — Не странию ли должно визаться истог, ито эпасть уставъ нашей православной Церкии, что мы христіане, принадлежащіе въ ней, съ сачаго рожденія нашего на свить, оспаниваемся поступать такъ, соверженко вопреки са благиль повельній?

Воть, что значить эта сырная недњая, т. е. маслиница по нашему, столь нажная из Богослужепін по догнатама перковныма и столь мало унакаемая пами!

- Да, милая бабушка: одняко, развъ инкогда пельзя песелиться? спросили лёти.
- Можно, друзьи мой; но только из все есть приличное премя; еслибы, напримъръ, въ часы, изаначенные для ученья, вы, не слушаясь спояхъ родителей и наставинковъ, стали бы пграть и бъгать,
 стараясь забыть, что напосано въ кингъ и удалили бы всякую мыслы с прилежаній къ своимъ уронямъ: что же бы наъ этого произонно? Признайтесь свян; не остались ли бы вы чрезъ это, самыми
 глушыми и им къ чему неспособными людьми, когда бы выросли в большіе? Не такъ ли, мой душеньки?
- Конечно такъ, милая бабущка, мы бы не умила на читатъ, на плеатъ! да еще и то надобно сказатъ, что всегда веселъе игратъ и бъгатъ кокъ поучащьея хорошенько.
- Совершение тоже выходить и при нашемъ теперевшень разговорф. Не запрещено ин напаться еъ горы, ин бачаться на начели, ито этого желаеть: движение очень полезно для здоровья; или веседиться другимъ приличнымъ образомъ; по должно и среды этихъ веселій всегда помиять о томъ, что веселья наши не должны быть противны Богу вакъ дъйствіями, такъ и помыслами нашими, и это исегда, недълю, которая назначена для приготовленія къ посту в начоминаетъ намъ страшный судъ Божій,

- именно, чтобы мы не забывали, что сколько бы лать не прожили здась на земла, однако умрема непремацию и должны будемь предстать праведному сулу Господию, куда странию авяться, не исполнивъ того, что было измъ приказано. Потому сямъ разсудокъ говоритъ, что лучие исправиться, расканваясь въ положенное на то время из дурныхъ лалахъ своихъ и стараясь быть лучшими!
- Совервениям правда, милая бябушка! по не зная того, что ны теперь намъ разсвазали, мы дупада, что нь масланицу непремінцю должно весолиться, сказаль Пиколенька, очень умилій мальчикь; но за то уже въ Велькій Пость, век у насъ нь домі: паценька, маменька, люди, даже и мы літи, всегда кушаємъ поствое.
- П у пасъ также, заяктила дъвочка "бюбаща, вотъ послік завтра и подадуть на столь вийсто миски съ суновъ, множество простыхъ глиняныхъ горшечковъ, а пъ няхъ или съ грибами, горохъ варенай, каша гречневая; потомъ кнедая капуста съ преванскимъ масломъ, и красный кисель съ сахаромъ; дажо и рыбы въ периую педілю не бывасть; стало быть, милая бабушка, мы пецилинемъ псе, что приказано въ Пелиній Пость?
- Да, отчаето такъ, друзья мов! а звам, что ты Инколенька и ты Любаша, принадлежа къ благочестивачь правиславиямъ семийствамъ, привык-

нувшимъ въ употребление постяей пащи еще съ реблаества, привывля в самв въ великоностяей русской пащв, и она, слава Богу, не вредна камъ, а напротивъ еще служитъ отчасти очинениемъ крови посла продолжительной масной мища. Все это очень поукально; однако жъ, одно постяюе масло, щи и горохъ, не составляютъ ещо настолщаго поста.

- Какой же еще надобно, молал бабущка? Пеужели какъ наща старунка напа, которан не кушаетъ ишчего горичаго нею перкую и последнюю исдели Великаго Поста, а нее только холодиос: отурцы, капусту, сухой хлабъ, и запишетъ квасожь? Это трудно!
- Есан она двалеть изъ усерлія нь полдержапію, ит эти неликіс дви, то для ися очень корощо, одинко жъ, даже и такой пость не есть еще пастоптій!
 - О! неужели же должно ничего не кумать?
- Изтъ, этого отъ васъ не требуетъ, хотя консчио бывали такіе сиптые подвижники, которые чрезалчайно мало употреблала пищи въ эти дии; по мы, обыкновенные люди, слишкомъ для того слабы. А вотъ что необходимо, если желаемъ вполив совершить постъ, такъ какъ повелянаетъ намъ наша правослания Церковъ, что и поютъ стихирахъ, въ новедвльникъ Великаго Поста, плению: «Постам«си постомъ прінтвымъ, благоугоднымъ Госнодеви;
 «истанный пость есть лимъ отчужденіе, воздер-

 жаше взыка, ярости отложеніе, похотей (прихотей) «отлученіе, оглаголавія (клеветы) лжи и клатвопра-«ступленія». — Видите, друзья мон, что при воздержанія въ инцев, надобно воздержаніе и въ душт. Напримъръ, селя чы кушан грибы и горохъ, будемъ сердиться на кого нвоўдь, не постараемся поздерживать языка своего, чтобы не огуждать ближнихъ навихъ; иси; ашивая постоиъ помилованія свій: оть Госнола, будемъ немиластивы ав арусияв: тогда ностное наше кущавые сочтется ни по что! Это будеть фариссискій пость, противний Богу; какъ Фарисси, уничтожан аругиал людей, радованийся, что самъ постится два раза въ медълю, быль осущленъ, такъ точка и мы, если, будучи допольны сухожданісыв вашамь, не постараемся притомь ноздерживаться отъ веего дурнаго, напримъръ: отъ невослушанія, отъ лжи, отъ осуждения другихъ, отъ немилости въ бъдяымы и страждущамы; тогда не поможеть памъликакой пость, хоти бы мы и совствув вичего не ван; вее таки, это будеть пость проглашый Богу!

Поговорамъ теперь о картинахъ нашихъ. Онъ представлени вамъ, друзня мон, съ тою кълію, чтобы лучше оставались въ памяти вашей тъ самил дъла, ковія должны быть совершаемы при исполненіи настоищаго поста, угоднаго Богу.

кантина г. Она представляла Смирекіе, какъ необхолимую добродітель для полученім милости Божіей и исправленія спопав недостатковъ, къ чему приводить насъ Великій Постъ.

картина п. Тутъ изображенъ городъ, гдъ добрыя дъти подвють милостыню пищимъ. Это значить то, что заслужить прощеніе отъ Пога нельзя пизче, какъ самому быть милоствну къ ближнему и съ любовію стараться помочь ему.

вартина ил. Деночка у постели больной женщины, учить инсъ. что Христіанину должно навъщать больныхъ и, не жалъя собственнаго поков, проводить, есля пужно, и почи у постели страждущаго.

картина IV. Мысль этой картина та, что мы должны посыщать несчастного, заключенного въ техница, и стараться облегчить участь его, козбудивъ въ душа истиниую въру и подать ому утъщенія въ надежда на милосердіе Божіе. Это то и представляєть мальчикъ, читающій узнику Епангеліе.

кантина v. Тутъ лежитъ ослабъвшій оть голода человъкъ, и добрыя дъти приносять ему пищу; онъ оживаетъ.

бартива VI. Здёсь предстандена убоган хижина и бёдным спроты, которыхъ лей милыя, добренькія дёвочки, одёвають въ теплын шубки. Это означаеть, что бёднаго человёка должно скабдить одеждою, изъ дюбев къ своему ближнему. картина vii. Суровая зник, пъ дремучемъ лѣсу, гдѣ по дорогъ, запесенной сиктовъ, бредетъ усталый стравинъъ; для мальчика и дѣночка, какъ добрые Ангелы прибъгаютъ къ нему на помощь и педутъ его къ себѣ въ домъ, чтобы тамъ обогрѣть и накормить его. Они также исполняютъ одно изъ новелѣній Господинъъ: впести стравника въ домъ свой.

представляеть награду этих добрыхь детей, которыя псиоливали вей добродатели Христіанского законо, но не возгордились этихь, а копротовы заслужили в'янець, доставленный имъ душеннымъ сипревісмъ, который и блистаеть на голов'я каждаго иль лихъ, иъ награду за что и наслаждаются они теперь в'яньны блаженствомъ на небесахъ, гдв царстнуеть истанная белконечная радость.

Зажитьте, другья мон, также и число картины; ихъ посемь; они представляють семь нестально велякаго поста, время назначениее на полнага хрястівискіе и поздержанія отъ всякаго излишества, какъ
въ шищь, такъ и въ прочихъ прихотяхъ; даже налишнее удопольствіе неприлично въ это преми. Осьная же наша картина, представляющая награду,
есть уже какъ бы Сиктлое Воскресеніе, означающее тержественный отдыхъ и поздавніе за псполвеніе предписанныхъ намъ добродътелей. — Дай Богъ!
милыя дътв. чтобы и им совершили, хота по одной

изъ вихъ въ каждую педілю Великаго Поста и чрезъ то удостоплись достагнуть въ радости Савтлаго Восвресенія, какъ награды за наше стараніе угодить Богу и быть полезными нашему ближнему. Заслужимь же полотой вънемъ смиренія!

Паграда добрыхъ дътей была послъдием картипою; булемъ просять в молить Госнода, друзья мон,
чтобы подобное собите совершилось и съ нами, въ
послъдней картинъ жизин вашей и чтобы заслужить памъ, величийшее счастіе, авиться на страшпомъ судь, въ числъ праведныхъ, которымъ Самъ
Спаситель скажеть: «Прівдите благословеній Отпа
«Мосго, паслъдуйте уготовавное намъ Царствіе отъ
«словенія міра. Владиалеся бо, и дасти ми истин;
«полнадалься и напонення ми; страненъ быль и
«поснаниете мене; пото и одимете мя; болень и
«поснаниете мене; въ немниць быль, и пріндо«сще но минь!»

Тъмъ же, которые не веноливли этяхъ добродътелей, стращими гласъ Господа провянесетъ: «Пли-«те отъ мене проблития во штиъ въчный!» (Мат. 23, 34, 35, 36).

Такъ кончала бабушка разеказъ свой и вет дъти, слушавийя съ умилениемъ и радостио первыя слена си, вздрогнули отъ ужаса при послъднихъ, объщалсь отъ всей души, какъ можно чаще объ втомъ думать и начатъ Великій Пость, съ твердычъ наміреність пеправиться и воздерживаться оть излишества инии, воздерживаться и оть исего дурнаго, чемь могуть противнить Бога и своихъ родителей.

Посла того, простились всё друга съ другомъ, по дрениему русскому обычаю въ эти лип, в старшіе развезли латей по домамъ.

Можно поручиться, что век эти милыя дкти, достигнувъ в совершеннаго выраста, постираются непольять пидімнее ими из картинахъ, придуманныхъ благоразумными ділючками Машей и Лизой, а съ ними и век винее чататели этой бинаки; такихъ образомъ век имъетъ заслужитъ ближенство, средв райскаго сада!

Разумкется, подъ пидомъ дътей, адъсь представлены всъ люди вообще, наленькіе и бозьніе, чолоденькіе и старички. Кто все это исполнить, тоть в будеть совершенно счастянав!

торжественная ночь

на рождество христово.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ НОЧЬ,

111,11

MAKAHYRE MPASAHERA POMAECTRA IPECTOBA.

Великольникий голубой сводь ясного неба покрываль своимъ неизифранымъ куполомъ общирную Россію. — милліоны зибадъ сіяли, подобио драгоцфинымъ язмазамъ и придавали колаъяснимую предесть этому чудному небесному покрону. -- Ясная, морозная ночь въ страпъ, лежащей нъ свиору. и теплан, благоухапная пъ южныхъ предълахъ той же благословенной Россія, въ одно и то же время остивла небесныхъ спътомъ, какъ съверъ, такъ и ють нашего вресонаго отечества. Это была вочь на 25 Декабря; ночь благодатная для всего земнаго шара! — Здісь, въ Россіи, радовала она пісколько жилліоновъ жителей, озарян тихняъ світомъ евоняъ двъ великолбания столицы, икожество бельникъ, торошо отстроенныхъ городовъ, богатыхъ селъ, съ Ярцова.

ваменными и перевянными церквами и бъдвыхъ деревенсть, пріютнащихся смиренно, нъ какой инбудь яденой трущобъ. Словомъ сказать, почь эта радонала всёхъ: знатныхъ и простыхъ, богатыхъ в бъдныхъ, большихъ и маленькихъ, потому-что, но милости Пожіей, вся Россія давно, лавно освящена одною Православною Върою!

Разумается, въ столицахъ и въ другихъ большихъ городахъ, много было разиыхъ приготовлений въ эту снасительную почь. — Однакожъ и маленькія деревеньки, и самыя бадныя хижины не были лишены сердечной отрады, писносылаемой благодатію Того, Кто равко любитъ весь родъ человаческій и Кто родился въ эту ночь на земла, будучи предвачнымъ Богомъ, для того, чтобы искупать Своими далами и страдаліями весь родъ человаческій.

Вотъ среди лѣса выстроено иѣсколько крестьянскихъ домовъ; войдемъ въ одинъ изъ нихъ, самый бъдный, и посмотримъ что тамъ происходитъ. — Ясини кочь освъщаетъ тѣсную избу, передъ образани теплится ламиада, инкого не видно, кроиъ одкой стврушки лѣтъ нодъ 70, которал, засвътивъ свъчку желтаго воска передъ Святыми иконами Спасителя и Божіей Матери, стоитъ на кольияхъ и молятся. Посмотримъ на нее корошенько; она въ бъдной одеждъ в удручена годами; но она молятся в — юнап, пламенная душа видив въ св глазавъ,

устремленныхъ на Святыя плоны; твердая Въра и сладкое упование такъ укръпили ез силы, что опа не чувствуетъ усталясти, и секъ для нея не существуетъ! Тишина и спобойствие царствуютъ воъкругъ нея.

Варугъ что то зашевелилось из углу, и звоякій, автекій голось произпесь: - Бабушка! бабушка! пора вставать, скоро заблагонъстить къ заутрени.»

— Я не силю, ное дитатко, отвъчала старушка, вставая съ полу в отеревъ рукавонъ слезы умиления, которыя текли ручилия по лицу сл.

Мальчикъ, лѣтъ семи, соскочилъ съ полатой, полобъюдъ къ глананому умынальнику, ноившенному надъ лоханью, умылъ лицо и руки, и види, что бабущка клала земные поизоны, принался дълать тоже, потомъ, олглинувъ на окно, скаралъ громко: «Посмотри, блоущка, какат сиктара лоъздочка глядитъ прямо къ намъ! Она похожа на ту, что принела волхвовъ, на поклоненое къ Сивсителю младенцу, лежащему въ яслихъ, какъ прочиталъ и тебъ ичера въ моей кинжиъ; ахъ! какая свътлан почь! Бабущка, пусти мена на улину.»

— Поди, мое датятко, я знаю, ты не бонщься колоду, пріучень во всему!... одтя ниф!—Старушка тажело подохнула.

Между такъ Инколопька выскочиль на крыльцо, отгуда на улицу и остановись по среднив илощадки,

раскинувшейся передъ набою, новертывался во исъ сторовы; глаза его были устремлены на небо усъвиное закадами; морозъ былъ порядочный; во тишина въ воздухъ необыкновенная; чувство радостя
было написано на лицъ мальчика. — «Сегодия родился кашъ Сваситель! сказалъ Николицька; оттого,
конечно, такъ исяо и сверкаютъ эти звъздочки? » и
вдругъ своимъ звоикимъ, прінтивижъ голосомъ заивлъ: «Слава въ вышинихъ Богу! и ш землѣ міръ»!

Вабущия, отворинь свое косящетое окошко, выгладывала ваз него, крестилась и говорила: «Госполи Воже! някое милое, набожное дитя!»

Въ эту минуту, услашавъ цъніе Николиньки, малевькіе его товарищи выскочили ваъ всёхъ набъ, окружили его, и но его прикладнію, весь этотъ многочисленный хоръ запълъ очень громко: «Христосъ рождается, славите! Христосъ съ небесь, срищите! Христосъ на земли, возноситеся! Пойте Госнодеви иси земли, и веселісяъ воснойте людіе, яко прославися».

 Воть, воть! я думаю точно такъ, съ оту свитую ночь пъли Антелы, когда рождален Христось? говорида старушка я плакала отъ умиленія.

Въ эту минуту и слащенникъ, проходя мино, свазаль имъ: «Вотъ хорошо! спасибо, дъти мон, сивсибо! такъ и должно славить Госиода, Сивсителя нашего! Спитъйній младенець сохранить васъ и помилуеть за такое усердіе. Я вду начинать заутреню, приходите и вы славить Господа молитиом и извіємь, въ Его сватомь храмъ.»

- По домамъ! скомандоватъ Поколинъка; надънемъ поскоръе наши враздинчные кантанчики, и ингомъ въ церковь! — Все маленькое общество разсыпалось исмедления.
- Вабушка! бабушка! давай мин сворне мой нарманый вастанчики! вричаль Инколиныка еще на льстиць. Бабушка и сама спінила исполнять его желаніе; достала изъ суядука врестванскій кастанчикъ изъ толстаго простаго сутана, однако ецияго цента, съ алымь кушакомъ. Ока востянымъ гребешкомъ пригладила кудрявые темпорусые полосы малютки, поціловала его въ голому и свазвав: «Христосъ съ тобою, мое дитятко, ступай въ перковь и и тотчась уберусь, только поставлю твето для завтрашняго пирога и приду къ заугрени».

Проворно собравь своихъ товарищей, Инколинька отправился съ нами въ церковь, бывшую пъ полуверстъ отъ этой деревеньки.

Благовъетъ раздался, и они всъ стали какъ слъдуетъ на клиросъ; заутреня началясь, и многочисленный хоръ дътей удивительно согласно иълъ своими изжищии серебристыми голосками Божественныя стихиры этого великато дия.

По окончанів службы, когда бабушка съ Нико-

7

авнькой пошла долой, мильий са внучекь опать скаваль ей: «Посмотри, посмотри, бабущка, какь всяю блистають эти зивадочки, онв какь будто сладать на насъ нав Божьего рал! сегодия родился Снаситель, и конечно радуютел и поють на небъ Алгелы!—да и намъ эдъсь весело! да, жоя милая бубушка, право очень весело!»

- Слава Богу! дата мое, слава Богу! что тебъ радостио... отвъчала старушка, опать тажело вадыхав. —Воть, по милости Божіей, мы съ тобою были у заутрени; когда придемъ домой, ты, мое дитятко, датъ и засив.
- Какъ, бабушка! я не хочу спать теперь, ты сама говоришь, что это синтан почь?
- Да, конечно, мое прасное солнышко! доподлинно это велькая ночь, да ты еще маль, тебь надобно отдохнуть. Воть часа черезь два начистся и рашина объдня; тогда я тебя разбужу, и голосокъ твой будеть еще чище и звоичье, если соснешь налёхонько.
 - А ты, бабущка?
- Мит пекогда спать, дити мое: доть немного у насъ разпосоловъ, однако следуеть приготовать что нибудь на розговенье, нь такой великій праздвикь! Въдь и ты постилси со мною весь пость! Вчера добрав состава Мароа принесла намъ десятокь ситменьких инчекь; а дочка другаго состав,

Ансюма, криночку молока и цизеничной мучки, воть а и могу испечь пирожовъ, хоть и не изъ конфектной муки... охти миъ! того вегдъ влять, да и за то слава Богу и спасибо добрымъ людимъ, не такъ ли, дита мое?

- Такъ, бабущка, такъ! мић очень хочется твоего инрога; сейчасъ бы попробацазъ его!
- Что ты, что ты, мой батюшко? еще у объдви ны не были, какъ же можно разгопляться?
- Сохрани Богъ! я и самъ не стану четь теперь;
 а только сказалъ нарочно, чтобы теби потишить.
- Дв. дв. сокровище мее некаглядное, ты то псегда меня утвинень; а я, горонышиля, инчимъто не могу и поподчинать тебя въ праздинкъ Господень! Что дъзать? бъдность одольна... одга мит!
- Полно охать, бабушка, въ такую святую почь!
 Въдь, говорятъ, да и ты же инъ говаривала не разъ.
 что не должно роштать.
- Да, мой разуманчекъї точно грашно, мы бъдпые люди, конечно, да въдъ и для насъ также, макъ и для богатыхъ, родился сегодня Спаситель.
- Вотъ видишь, бабушка; стало быть и мы также счастливы, какъ и богатые? А вотъ что давно хочу спросить у тебя; вчера деревенскіе паши парии нарубили въ лісу множество молодыхъ елокъ и повезля продавать въ городъ: зачімъ это богатые горожане покупають елки?

- Охъ мое сердечушко... что ты спросиль у меня, голубчинь ты мой?... Для того покупають, чтобь забашлоть ими дътей споихъ... а и то начънь не могу тебя потъщить... такъ грустио едълается на сердце!
- Какъ же можно забавляться елкою? Въдь она колетол, бабушка!...
- Ит городахт, мое дятитьо, такое повтрые завели госиода, что вольмуть елку, поставить се въ горинца, наижноють на нее множество игрушекъ, яблоковъ, черносливу и всего сладкаго; а потомъ еще налжиять на сучъв едки множество носковыхъ ектять и зажгуть ихъ. Исе это дълноть тиховько отъ дитить, котораго хотить новеселить; и когда наступить нечерь на Рождество Христово, вдругь отворить эту горинцу и дити увидить освъщенную елку; когда же нарадуется довольно, то ему стануть дарить игрушки, яблоки и черносливъ, развъшенные но слив.
 - Ахъ! накъ должно быть это весело!
 - Да, ное дититко.
 - А гдъ же ты видъза это, бабушка?
- О! мое сердечушко, давно, очень давно, и это видъла еще, когда твои покойная... крестная маменька, была жива, царство ей небесное!... она въдь родилась отъ богатыхъ родителей и когда была еще ребенкомъ, то для нея то каждый годъ дълали

такум нарадную слему... Говора это, старушка прослезилась.

- Опять! Бабушка, говорю же тебф, что сегодия грашо плакать... да и не объ чемъ! дучше
 будемъ благодарять Бога за то, что и намъ хорошо
 жить на сватф! Посмотря-ко на это голубое небо, на
 эти пркія эпізды! Право никакая елка городская такъ
 блястать не будеть, сколько хочешь палічи на нев
 свать! а я воть что скажу тебф: если бы и былъ
 это дівочка или этоть мадычикъ богатый, которому
 дарять нарядную елку, и бы воть что сділаль,
 обобраль бы съ нея веф носковый свачи и ностапиль пать нередъ образами нь перкви; а яблочки и
 черносливь отдаль бы тебф; кущай на здоровье.
- 11, мое дитятко, куда ужъ инт старукт такъ ликопиться?
- Если ты не хочешь, бабушка, то в раздълниъ бы ихъ другинъ бълшенькимъ ребятишкамъ, — въ игрушки, пожалуй поигралъ бы в свиъ, да и тъ послъ подарилъ бы нищищъ старичкамъ и мальчикамъ: пусть продадутъ и купитъ себъ клъбда.
- Да, да, соднышко ты ное краслое! анаю, что твое доброе сердечко инчего бы не пожалкло для нищей братіи... да Господь не суднав такв!... ты и самь бъдный спротинушка; исть у тебя на отца, ни матери, ни рода, на насмени!... Выговорнов это, старушка зарыдала.

- Ой, ой, бабушка, что это съ тобою сдълалось, въ такую радостную почь? произнесъ Инколивька, обинман свою бабушку. А не сама ли
 ты мив говорила, что Богъ сиротамъ Отецъ? Подунай же, моя голубушка: самъ Богъ! Отецъ мив,
 а Опъ такой милостивый ко вевмъ намъ; посмотря
 какія ясцыя создаль зявады, чтобы святиля намъ
 и паночинали Божій рай! вядь мы вся тамъ будемъ, моя непаглядная бабушка! попълуй меня, в не
 плачь... Почему знать, можетъ быть эта радостная
 вочь, пророчить и намъ доброе!
- Дав то Богь, мое датитко! воть и ужь и не илачу; ложное поскорте спать.

Старушил обявля своего умняго внука в ноложила спать на его соломенную постель, в послушвый мальчикъ, обернующись старымъ бабушкинымъ одъяломъ, тотчасъ заснулъ самымъ сладкимъ спомъ.

Старушка сусталась, ставила тъсто, для извъстнаго намъ вирога, каяъ вдругъ послышался дорожный колокольчикъ. — Видко провзжають дорожные, сердечушко мое, и въ эту свитую кочь, оно не дома! Управъ, Господи! путь ихъ по добру, по здорову! подумала добран старушка и перекрестилась.

Между твив колокольчики слышались гроиче и ближе, и наконець что-то грузное зашужью по крупкому, замералому сивгу и остановилось у самой пабы старуки нашей. Занимансь инрогомъ, она не

обратила на то своего вниманія, какъ варугь кто то постучаль въ стіну.

- Что это? сказала старушна, подошло нъ окну, отолнинула свой косищетый станень и, имсунувъ годому, спросила: нто тамъ?
- Пробажіе, добрая старушка; перемерзая совежнь, пусти пограться, отибнали ей съ уляцы. Она еще больс высунулась въ ожно и унидала, при свыть луны, большую дорожную вибитку, запраженную тройкой почтовых»; отъ лошадей налиль парь столбомъ; видно было, что онъ измучены. Въ вибиткъ сидъль господивъ нь воевной шинелъ на епотовомъ ибху.
- Пустимь насъ, или изтъ, добрая старушка?
 спросилъ опъ опятъ.
- Изволь, мой батюшка! изволь, избенки то у меня тъсна; да коли угодно вамъ, то милости просимъ! Прітажій проворко выскочиль пов кибитки и скоро вошель по избу; каклинувь на иканы, передъ которыми темлились ламкада, онъ перекрестился в сказалъ: «Здорово, бабушка, спасибо, что пустила могръться, перезябли совстяв; цташій день почти тадили, запесло ситговъ дорогу и мы ее котеряли, а здъсь у тебя и темло и хорошо.»
 - Очень рада, добрый барииъ, что важъ у насъ

поправилось; не принасти ли чего горячаго обогратьва вамой милости?

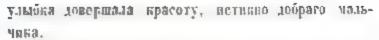
- Очень бы хорошо, добрал хозяющка, поставько самонаръ.
- Охъ! мой батюшка, самоварчика-то у меня изту; а вотъ есть большой чайникъ, мигомъ векииятъ вода... да только чаю то у меня тоже изтъ; развъ не разогръть ли постныхъ щей?
- Объ чат не хлоночи, хозиюшка; у мена все есть съ собою, и чай и сахаръ, только киняточку приготопь.
- Сейчасъ, сейчасъ, добрый баринъ! говорила старунка, раскладывая еще обльшій отопь въ печкъ.

Прізавій, между тімъ, жедай обограться, ходиль взаль и впередь по тісной горпица и, примітявь силизго ребенка, спрасиль: «Это вто? върно впукь тибі?»

— Да, мой батюшью, влучекъ, оль со мной быль у заугрени, усталь в воть теперь спить. Между ткув, протажій, остановись передъ спяциять Пиколиньной долго смотръль на него, при спять лучины, горышей на сывтиль посрединъ набы.

Мальчикъ нашъ спалъ белъ просыцу; хорошенькое его личико было чрезвычайно привлекательно, дливама черныя расницы закрытыхъ глазъ оттанали розовые его щечки; вензжаниемое спокойстию невишести сіяло во ветхъ чертахъ и Ангельская

- Какой врасивый у тебя внукъ! сказаль проважій; данно не видаль я такого прекраснаго ребенка.
- О! да, мой батюшка, да набы вы знази, какая
 у него добрая душа, накой онъ набожный в трудолюбивый! то и пуще бы онъ вамъ поправился.
 - А который ему годъ?
 - Семь абть минуло, съ вещияго Николы.
 - Какіе года! прованесь пробажій.
- Еще небольшія, мой батюшке, опъ біздняжка сиротшина вотъ уже третій годокъ...
 - А чей опъ сынъ?
- Чей сынъ?... да, сынъ чей?... онь мой батюшка... внукъ миъ.
 - И это знаю, но кто были его отецъ и мать? Нъсколько времени продолжалось молчаніе.
- Ты, конечно, глуховата, старушкя? а в боюсь громко говорить, чтобы не разбудить ого; подойда воблюже.
- Изтъ, мой батюшка... изтъ—а не глуха, слава Богу... и чемъ бишь... изволили сирашивать?
 - Чей сынъ, этотъ мальчикъ?
- "leй сынъ?... да... онъ сынъ... крестьянина...—нашъ братъ! добрый господинъ... да вотъ и чайникъ закинкъъ, прикажете подавать? вы не съы-

халя, мой батюшка, чайнокъ-то закипѣлъ, повторила старуха, подумавъ въ свою очередь, что тесть ен глукъ

 А, закнивать... ну хорошо... будемъ чай инть, отвічаль опъ наконець, не трогансь съ міста.

Старуха между тъмъ накрыла столъ толотою, по чистою скатертью, принесла чайникъ на надоданпомънодносъ, и оборотись сказада: «вода готова; гдъ же чай, добрый бирилъ?»

— Да, чай... чай... сейчась мы его достанень; связавь это, онь подощель къ окву в закричальна улицу: «Васплій! принеси мой пограбець.»

Скоро вошель бравый солдать, деньщикъ призжаго, принесъ дорожный погребець; баринь подаль ему ключи; онъ отверъ, вывуль серебраный чайшикъ, двъ фарфоровых чашки и снязку крезделей, потомъ насыпаль чаю въ чайникъ, налиль кипиткомъ и разстави все въ порядят на столт, сказаль: «Готово, наше высокоблагородіе! • и хотъль удалиться.

- Буда же ты? остапьси зджев и погрымен;
 тебк, и думаю, еще колодиве было сидыть на коззахъ нежели мив, а и перемерав и въ вибитик.
- Мы привывши, ваше высокоблагородіе! намъ морозъ ни поченъ.
- Однако все лучше погръться у теплой печки,
 а послъ меня, напейся хорошенько горичаго чаю.

- Благодаримъ покорно, ваше высокоблогородіе, очень виого вашахъ мялостей.
- Воть свасноо! какой добрый баривъ, думала старуха, поглядыван то на того, то на другаго. Наковецъ, видя, что профажій овять задумался, рёшплась сказать: «да часкъ-то вашъ простынстъ, сударь.»
- Да, да я и забыль, корошо, соднеь сторуха въ столу, ям вийстй написися чако.
- 11? ной батюшка, я? и—пристойно ли же низсидать при насъ?
- Отчего же пътъ?! садись, голубушка, безъ церемойи! Говоря это, баринъ назвать другую чашку в приказалъ старухъ състь непремъщо; она новиковалась, онъ подалъ ей чашку; а надъ своею плать задумался, облокотись на столъ; потомъ, оправясь, проворно вышилъ свою чашку и спросвать холяйку:
- Какъ ты думаешь, бабушка, далеко ли отеюда, до Староселья?
- Да не близко, отвъчала старуха, тажело вадытая; верстъ 25 булетъ.
- А что, добрам старушка, ты, я думаю, знавала ту самую барыню, которой принадлежала усадьба?
 - Какъ же, батюшка, алавала.
 - Даппо уже она скончалась?
 - Давиенько, сударь; ужъ година четыре будеть.
 - Кто же теперь живогь тань?

- Да, Богъ ихъ знаетъ; говорятъ вавіе то наслідники, которые одругь найхали и разділяли все между собою, до последней питочки,
- Скажи дожадуйста, не слыхала ли ты чего. о племанинцъ старой то барыни?
- Каят не слыхать, мой батющих, это быль Ангель Божій, я не барына.
 - И ова скончалась?
- Да, мой батюшка! Господь прибраль ее въ Себъ, царство ей небесное! помучилась то она сердечива, на бъломъ ситть.
 - Какъ, чтиъ же, развъ долго была больна?
- Изть болести то, важись, в не было, да алодзійка кручина извела ее совскив, какъ были-HOURY.
 - Какая же вручная?
- Охти, мой отець родной! я ужъ и не знаю, какъ разсказать тебъ... сперва вышла она замужъ, хоть и за босатаго барина, но кажись счастливо, еба любиля другъ друга и опъ ес и опа его. Да вдругъ поднались праги нехристи на нашего то цари провославнаго; осм'ялились, багюшка, воекать съ нимъ. Вотъ и ношля наши создатушки съ своими командирами въ походъ, подъ Турка, чтобы отстоять грудью натушку Святую Русь! Барияъ то молодой служиль въ полку в быль, сказывають, сауый храбраний... Онъ, кой голубчикъ, не пожалаль и своей

полодой жены, полетыв драться за батюшку Царя Православнаго, взяль, сказывають, у врага что-то больное ... не помию какъ называется.

- Крѣпость что лп?
- Да. да. кръпость, кръпость отбяль у Турка, да только самъ то и свою головушку положиль на томъ мъстъ. Прежде писали барынъ, что процаль безъ въсти соволъ ся ясный, а потомъ пришло письмо, что нашли его между убитыми и похоронили на чужой стороиъ!
 - Пу! чтожъ опа?

SPEOSA.

- 0! мой батюшка! она такъ стала упревить, такъ заливалась слезами, что какъ и глазопъ то своихъ не выилакала?-Вотъ видишь, мой добрый баринъ, и у тебя слезки навернулись... велкому посторовнему ее жалко... то каково же мат?... Она, сударь, и пыросла и споичалась на монхъ рукахъ.
 - Ты, конечно, знала св мужа?
- Вотъ то-то, что нътъ, мой добрый баринъ; и разскажу какъ это случилось; передъ тімъ какъ барыший то моей выдти замужь, мий написали отсюда, что матушка мол больна отчалино; воть меня старая то барыня и отпуствая сюда, ходить за мосй больной матерью; а им жили тогда очень далеко отсюла; вотъ пока в ахала, пока, прохворавъ цалый годь, матушка то мол скопчалась, а барышля то нежду темъ вышла замужь и убхала далеко съ 10

своимъ мужемъ, такъ ужъ мит и не приплось его видъть. — А потомъ пощелъ онъ въ походъ, гдт уже и кончилъ жизпъ; барыня же моя, бъдная, овдовъвъ, прівхала еюда къ своей тетушкъ съ маленькимъ сынкомъ.

- А сынъ ва живъ?
- Жавъ... вътъ, что я говорю?... нътъ, батюшка... не знам какъ сказатъ.
- Да вёдь онъ здёсь быль, какъ же ты не энцень?
- Да такъ, сударъ... когда прівхали сюда вовые то наследники... после сторой барыни, то молодая вскоръ сама скончалась, горе то ее убило!
 - Но сынь то ел гав же?
- Не знаю... сударь... можеть быть вто идбуль... в изаль его.

При этомъ словъ старуки, раздался громый бласовъстъ къ ранией объдиъ, исльчикъ спавшій на лажкъ проспулся, вскочиль на ноги и сказаль громко: «Бабушка! Это ужь объдия пачинается! Пойдемъ скоръсі...».

Прізажій господнив вадрогнуль, какъ будто пспу-

— Первый разъ еще ударная въ колоколъ: поспъснъ, Николенька. Прозлайй опять вздрогнулъ. «И голосъ матери, и даже самое вма моего малютки—» подумать онь, устреминь пристальный взорь на мальчика, который, увидёвь незнакомаго господниа, остановился передъ вижь и, поклонясь сму пизко, началь сбираться идти въ церковь; сперви умылся, потомь, проворно вскочивь на лавку, досталь съ глоздя свой сний кафтанчикъ, надъль его и встрикцувь своими густыми кудрими, скалаль: я совсёмъ готовъ, бабушка; нойдемь же скорте.

- Мит еще надобно выпуть пирогь мой, голубчикъ; пъль у изеъ только и есть на розговънье — Ступай одинъ, ты дорогу знаешь въ церковь; а и приду послъ.
- Зачтив же ему одному идти? свазаль прітажій: я тякже русскій, знаю, какой сегодня великій день и очень радъ, что могу отслушать адъсь объдню: пойдемъ, дружокъ мой, со мною, ты еще будешь и проводникомъ моимъ до церкви.

Николенька, какъ умный мальчикъ, не противился приглашению незнакомца; поклонился барвну и еще помогъ ему надъть шинель и отыскалъ его фуражку

Прітажій ласково ваяль за руку мялаго мальчика и они пошли витесть, какъ давно знакомые прілтеля; дорогою Пиколенька опить восхищался звъзлами и замічаль красоты зниней природы; везнакомый господинь открыналь въ пемъ болке и болье мигкую, поэтическую лушу, превсполненную возвышенныхъ чувствъ, и удивлялся, смотря на его крестылискій кафтанъ изъ толстаго, простаго сукна.

Они пошли въ перковь, Инколенька помъстился на клирост со множествоит мальчиковъ, его товарищей; онъ сповыв превосходнымъ дискаптомъ задаваль имъ товъ и они изли чрезвычайно согласно; его же посхидительное сопрано выдавалось изв всрхипрочихъ. Прітажій не могь надавиться, какимъ образомъ, въ такой глуши, могь составиться такой превосходный хоръ птичихъ, и когда окончидась объдия и молебень, онь подошель жь сващеннику и сталь просить растолковать ону эту загадку. Священникъ отпъчалъ, что опъ самъ въ молодости быль архіврейскимъ извидиъ и потому могь обучить крестьпискихъ мальчиковъ. — А вотъ главный уставщикъ мой! прибавиль онъ, потрепавъ Пиколеньку по илечу; онь хоти и моложе встхъ мальчиковъ, однако считается дучинять монять ученикомъ и служетъ для другихъ примъромъ кротости и послушанія. — Сказдвъ это, священиявъ сталъ просить пріважаго къ себь въ донъ, чтобы разговъться виксть. Но опъ, поблагодаривъ его, сказалъ, что не вочетъ обидъть старушку, которая его такъ ласково приняла и обогръда, и взявъ опять за руку поваго своего пріятеля Инколеньку, пошель съ нимъ обратио въ веткую ихъ избенку. Старушка, следуя за ними, была витсебя отъ радости, что такой важный польовникъ

полюбиль еа внука и только сокрушалась, что кечтив его угостить, креит едной апчинкы и пшеничнаго ипрога съ кашей, да съ соленою рыбкою.

Они пришли; военный баринъ опить посадилъ старушку подте себя; она неполияла его приказаніе, но прежде проворно вынула пирогъ изъ нечи и постапила его вийсте съ часиъ, приготовленнымъ деньщикомъ полковника. Теперь же прибыль и еще собесединкъ — Николенька. Баринъ, поглаживая завитые кудри Николеньки, ласкалъ его и посадилъ еще ближе къ себъ, нежели его бабушку, постоянно любуясь его прелестнымъ личикомъ.

- Ты мит не досказала давича, добрал стпрушка, гдт же сынокъ-то молодой баршия? началъ прітажій, когда они принялись пить чай и объдать витесть.
- Охъ! мой отецъ родной... не умъю-то л эгать... батюшка ты мой... вижу какой ты добрый... зачъмъ отъ тебя тапться... наклопись-ка ко миъ, я скажу тебъ на ушко... подлъ въдъ вашей мило-сти сплить ея сыночекъ.
- Какъ? восклиннулъ прітажій, вскочивъ съ своего въста.

Старушка вадрогнула, затряслась ися какъ осиновый листъ, и упавъ на колени передъ образами, воскликнула: «Господи! убей меня! накажи меня! если я сдѣлала худо... но сохрани, помилуй и защити моего Николеньку!»

- Какъ! это овъ? Николенька? сскриквулъ прітажій.
- Я Наколенька, что вамъ угодно, добрый барвиъ? сказалъ мальчикъ, смотря пристально на гостя. Но тотъ, схиатийъ его, принился ціловать, посадиль къ себт на коліни и мальчикъ отвічаль на его ласки, прижимался къ цему, обнималь его свочим рученками. Потомъ, видя отчинніе старухи, добрый господинъ подкаль ее съ пола, старался успожить и просиль, чтобы ужо теперь разсказала она вму все подробно.
- Не могу больше молчать, —произпесла старуха; только, батюшка, объяви миз прежде твое имечко и прознание.
 - Алекета Инколаевичъ Милославриъ.
- Ну! такъ! такъ! Господи, благодарю Теба! Да, да, ты, точно ты; мужъ моей бъдной барыни... ты отецъ моего Николеньки!—теперь не боюсь проболтаться. Такъ вотъ извольте видѣть, когда барына моя овдовъла и возвратилась сюда къ сноей старой тетушкъ съ маленькинъ сыночкомъ, то она принала ее очень ласкопо, все сбиралась написать духопную, гаѣ отказывала все свое имъніе племанницъ и виуку. Но не усиъвъ этого сдълать, скончалась и наслѣдники все обобрали, остава одвиъ старый элигель, гаъ

вно и фр. ; тимпра водолом й вом атиж плиловени также скончалась, проживь туть около года и пвтаксь своими трудами. Съ тахъ поръ какъ она возвратилась, я безотлучно была при ней и какъ прежде няньчила ее по младенчествъ, такъ послъ поручила она миъ ходить за ся сынкомъ. А какъ пошля туть ссоры, да дразги нежду повыхъ наследниковъ. то она уже и пуще папелась на своема здоровью, и дня за два до смерти, позвала меня къ себр, цередала мит съ рукъ на руки своего сынка, и заставивъ произнести клитну передъ образами, парда съ мени честное слово, что в никому не скажу о томъ, что Няколенька ея сыпъ, а чтобы папротивъ, назынала я его своимъ виукомъ и даже чтобы выростила его въ нашемъ крестьинскомъ быту; такъ чтобы и онъ самъ не зналь о томъ, что отенъ и мать его были дворяне. А когда и осмълилась въ томъ ей противорфчить, то она прибавола: «Знай же, въркая моя Даша, что ты погубинь его, если разскажешь, что опъ сынъ мой; потому что наслідники тетушкины такіе злые люди, что способны на все; они не остановится убить его, только бы не мешаль имъ владеть ся писцісмъ; а чтобы скрыть нашу тайну, придумила я втрное средство: вотъ тебѣ сто рублей, вольки ихъ, и какъ скоро меня похоронишь, тогчась съ Пиколенькой уважай въ Малороссію, въ нашу прежиюю деревию,

пуда выдана твоя дочка замужъ, тамъ поживи съ годикъ и потомъ пріважай сюда на свою родену и тотчась распусти слухь, что мальчикь, влятый тобою, умеръ дорогою, и что ты привезла теперь своего роднаго виучка. Но, смотри, никому и викогда не открывай ввъренной тебъ тайны; пусть онь выростеть въ вашемъ простомъ быту, пусть сдълается добрымъ, трудолюбивымъ! Старайся только вложить въ душу его страхъ Божій, чтобъ опъ былъ благочестнив и добръ, и тогда, право, все равно! Въдъ ни дворянину, ин крестьинину, путь въ Царство Небесное не заперть; тоть и другой могуть достигнуть въчной награды, въ какомъ бы звания пр быль. » Она, сердечкая, замолчала, долго молилась, смотря на Святыя рконы, слезы тихо катились по ен бледному лицу, потомъ прибавила: «Въ одномъ только случать спинаю съ тебя мою клатру, если въсть о смерти моего мужа окажется ложною и нечанию накъ инбудь отыщется отецъ его; ему ты должив отврыть все! »

- Два дип спустя после этого разговора, она скончалась, какъ Ангелъ! и я, мой добрый баринъ, старалась сколько могла исполнить ея волю, ем предсмертное запешаніе.
- И вполит исполнила, добрав старушка! воскликнулъ Алексъй Инколаевичъ; теперь моя очередь наградить тебя за это; ты возвращаемъ мет

моего сыба, да и еще такинь, какинь только могь бы в желать его увидъть! Сегодия же возьму и васъ обоихъ съ собою. Мы повденъ въ ближий городъ, тамъ я объявлю правительству, что отыскаль моего роднаго сыпа, и мы станемъ жить неразлучно тамъ, гла булеть стоять полкъ, которымъ в командую; в потомъ, какъ милый Николенька нашъ подростетъ, буду стараться научить его исему, что должень анать каждый русскій дворянивъ, для того, чтобы могь служить съ честие Царю и отечеству. Ты же, добрая старушка, будень у мени въ дом'я жить какъ искренній другь мой, и пусть Пиколенька всегда называеть тебя своею бабушкою: ты столько для него сдалала, поддержавь нь немь ист хорошія качества, такъ что и саман родная бабущка не могла бы поступить лучше.

Такъ было положено, и часу въ седьмомъ печера, Алексій Пиколаевичъ положль спащенняка, отслужиль благодарственный молебенъ, веліль собрать всіхъ крестьянь этой деревни, надіалиль ихъ щедрою рукою, простился со всіхи, предоставивъ старушкі и Николенькі сділать то же; оне всіхъ обинмали со слезами и потомъ номістились съ споимъ благодітелемъ нь покойную дорожную кибитку; колокольчики загреміли, тройка понеслась вдоль деревни, взвівая сугробы світа, и они скоро скрылись изъ виду плакавшихъ напарыдъ товарищей Николеньии.

Не пужно важется разсказывать, что этоть умненькій мальчикъ сділался со временемь отличнымь человікомь, полезнымь Царю и отечеству; по прежнему молился онь Богу очень усердно, помогаль ближнимь какъ только могь, за что Господь благословиль его и онь счастливо прожиль віжь свой, а старушка въ совершенной радости и спокойствій душевномь и тілесцомь дожила свои для и тихо смежила на вікъ глаза, на рукахъ своего возлюбленнаго, наріченнаго внука.

KOHEH B.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

новый годъ

Инкоторыя разсуж	tenia	, ,	,		·	,	,	1
Первая истрача не	Baro	roga						7
Втория встрача по	paro	roga				4		16
Третья встрича во	оппа	roga	,					31
Четвертая встръча								42
Пятая встрича вог								52
Масляница, или в								
дачт				_	_			81
Торжественная и								
ника Ромдеств								127

